

Бурса въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

(Изъ автобіографіи Г. М. Пясецкаго, бывшаго преподавателя Орловской духовной Семинаріи).

Мое прощаніе съ домомъ и дорога въ бурсу.

Гроза медленно надвигалась надо мною. Я чувствовалъ, что мнѣ неизбежно разстаться съ домомъ и со всѣмъ, что есть самаго милаго и дорогого на свѣтѣ. Папенька и маменька какъ то участливы стали ко мнѣ. Я задолго еще обходилъ всѣ бывшія свои «сховки» и всѣ мѣста, прощался съ ними, какъ съ живыми существами, и вездѣ горько, горько мнѣ было. Зачѣмъ это выдумали бурсу? Лучше бъ она провалилась! такъ говорилъ я мысленно, потому что не хотѣлъ оставлять дома съ его нѣжными лицами и ѣхать въ бурсу, о которой всегда говорили со страхомъ, что тамъ есть какое-то начальство, инспекторъ, учителя, а главное—какія-то чудовищныя «розки». Я побывалъ уже и у крестныхъ своихъ папеньки и маменьки: они дали мнѣ денегъ на дорогу въ бурсу, а маменька Аполлинарія Романовна надѣла на грудь мнѣ серебряный крестикъ. Меня какъ бы отпѣвали на смерть. Папенька и маменька избѣгали говорить со мною о бурсѣ, какъ избѣгаютъ разговоровъ о смерти у одра опасно больного. Наконецъ я узналъ отъ Якова кучера, что завтра долженъ быть всему конецъ: лошадямъ велѣно дать овса! Первымъ движеніемъ моимъ при этой вѣсти было выплакать свое горе въ вишняхъ и проститься съ своими ульями, равно и съ прочими; побывалъ въ конопляхъ, обошелъ яблони въ саду и огородъ, раза два лазилъ на колокольню, посмотрѣлъ во всѣ четыре ея окна, но воробьевъ, кажется, не обижалъ, умылся въ рѣчкѣ и у «риновки» (приниды), и вездѣ оставилъ слезы прощанія... Настало и послѣднее утро мое, должно быть 31-е августа 1848 года, когда только остановилась холера. Стали укладывать меня въ сундучекъ и приказывали

вать, какъ мнѣ содержать свои вещи въ порядкѣ, ключикъ не отвязывать отъ жилетки, чтобы бурсаки не отперли моего сундучка и не поворовали моихъ вещей, кренделей и булки, запереть и попробовать вотъ такъ. Я слушалъ и не слушалъ: душа не тѣмъ была занята! Маменька глянетъ на меня и станетъ будто утирать носъ, а на самомъ дѣлѣ у ней брызжетъ слеза, только она сейчасъ же на когонибудь крикнетъ, чтобы овладѣть собою. «Куда это ты все бѣгаешь»? спрашиваетъ она у меня. Я бѣгалъ въ сарай, чтобы проститься съ телушками, свиньями, курами, телѣгами, сѣномъ, что на вышкахъ и со всѣми закоулками, а притворяюсь, будто по нуждѣ, такъ что меня допрашивали, не болитъ ли у меня животокъ... Начали подмазывать повозочку и возъ; я участилъ мои отлучки въ сарай, чтобы тамъ поплакать и утерать слезы. Меня кликнули въ комнаты молиться Богу. Не думаю, чтобы на эшафотъ можно было преступнику глубоко молиться: одинъ обрядъ,—и хочется, да душа не на мѣстѣ, чувства не въ сборѣ! По своей молитвѣ предъ отправленіемъ въ бурсу такъ думаю. Я смотрѣлъ только на порывистые поклоны маменькины, а когда она, благословляя меня, не удержалась и заплакала такъ, что и на моемъ лицѣ сказались матернія слезы, тутъ я заплакалъ при всѣхъ и уже не прятался въ сарай. Слезы маменьки, никогда почти невиданныя мною, раскрыли предо мною бездну, готовую поглотить меня. Маменька, избѣгавшая всегда ласканія, едва ли не въ первый разъ тутъ обняла меня и, давась слезами, и поспѣшно утираясь, какъ бы прячась отъ всѣхъ, сказала: „не плачь, сынокъ мой! что жъ теперь дѣлать, треба ѣхать учиться!“ Эти слова нѣжности и участія были какъ бы крещеніемъ моею любви къ ней. Послѣ этого я не могъ уже рѣшить, кто мнѣ милѣе: папенька или маменька? Я плакалъ, но какъ то болѣе сладко, чѣмъ горько. Между тѣмъ долго еще „лаштовали“ (улаживали) возы съ кладью. Я посматривалъ болѣе всего на маменьку: она это примѣчала: наши взоры сходились, но она сейчасъ же отворачивалась отъ меня и обращалась къ своему фартушку, служившему ей вмѣсто носового платочка. Она, конечно, думала, что меня везутъ „на бойло“ (на сѣченіе), и жалѣла того, кто болѣе всѣхъ „сидѣлъ у ней

въ печенкахъ“, т. е. дался ей въ знакъ своими шалостями. Я не зналъ тогда еще родительскихъ чувствъ, но почему-то мнѣ жаль было ея помимо меня самого. Отворили ворота... усаживаемся... Въ воротахъ оглянулся я: маменька благословляла меня издали. Оглянулся еще,—маменька крестить мой путь у воротъ, далѣе не пошла: видать и грустно, и некогда! Только что отъѣхали, какъ повстрѣчался о. Моисей съ палкою. Не знаю, въ ладахъ или не въ ладахъ былъ тогда съ нимъ папенька, но велѣлъ Якову остановить лошадей, самъ слѣзъ, меня ссадилъ съ повозки и просилъ благословить меня на ученіе. О. Моисей былъ въ синей суконной рясѣ; я всегда почиталъ его за Божіа человѣка, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ „отчиталъ“ меня отъ упорной лихорадки. Онъ снялъ шляпу, благословилъ меня большимъ крестомъ и пожелалъ „хорошо учиться и радовать родителей“. Когда я цѣловалъ его худенькую руку, будто почувствовалъ какую-то сладость и утѣшеніе. Отсюда, кажется, я уже не плакалъ, хотя, осмотрѣвшись, будто примѣтилъ еще фартушекъ маменькинъ у самыхъ ея глазъ. О, глаза, источавшіе по мнѣ слезы! О, сердце, болѣвшее моею болью! О, матерняя утроба, вмѣщавшая меня въ себѣ! Кто достойно отеръ ихъ изъ дѣтей? Кто за сердце заплатилъ сердцемъ? За болѣвшую утробу принесъ въ даръ свою жизнь? Но такихъ счастливецъ почти не видѣлъ еще міръ и увидитъ ли? Мнѣ горько, ужасно было разставаться и съ маменькою и со всѣми въ родительскомъ домѣ, но я плакалъ и скорбѣлъ не за нихъ, а по нимъ, т. е. за одного себя. Дальше сердце у меня окаменѣло, и я не помню, какъ мы проѣхали свое село, минули Антоновку, останавливались или нѣтъ на Ивотѣ у о. Благочиннаго Константина Рожановскаго, поили ли лошадей въ селѣ Свиржѣ, и какъ добрались до послѣдней предъ городомъ деревушки Островушенъ, гдѣ, по преданію, чуть было не застрѣлилъ Петра I-го одинъ шведъ, и, наконецъ, до Хутора Жидовскаго Одыжайловки, откуда уже красовался на высокой горѣ Новгородсѣверскъ, древняя столица Удѣльнаго Сѣверскаго княжества. Тутъ мнѣ издали указали и на желтый въ Спасскомъ мужскомъ монастырѣ каменный корпусъ: то училище духовное—моя бурса!

Я зналъ, что предъ переходомъ чрезъ Чермное море Моисей мысленно вопіялъ къ Богу, и Богъ услышалъ его молитву; подобно Моисею и я тайкомъ отъ папеньки молилъ Бога, чтобы бурса та немедленно или провалилась сквозь землю, какъ Содомъ, или скатилась съ горы и погрязла въ Деснѣ, какъ тогда фараонъ со всѣмъ страшнымъ воинствомъ его, молился съ закрытыми, влажными отъ слезъ глазами, но когда открывалъ очи мои,—бурса стояла; снова молился еще сильнѣе, еще пламеннѣе, но Господь не внималъ моему воплю: желтое зданіе все близилось и близилось... Вотъ мы переѣхали и чрезъ два паромъ: Сновскій и Деснинскій. Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу... Не будь при мнѣ папеньки,—я умеръ бы отъ страха. Остановились у самой горы: подбѣгаютъ жида, начинаютъ „трусить“ у насъ водки, „тыкаютъ“ въ возъ желѣзными палками, переставляютъ вещи, выбрасываютъ подушки, обнюхиваютъ боченокъ съ коноплянымъ масломъ и отпускаютъ насъ. Взабираемся на крутую гору, проѣзжаемъ монастырскую слободу, по которой бродятъ уже бурсаки и присматриваются къ возу Якова, съ моею кроватью и сундукомъ, мнѣемъ высокую монастырскую каменную ограду и останавливаемся въ городѣ у какого то папенькинаго знакомаго, чуть ли опять не у Бартоша. Итакъ меня привезли въ городъ, чтобы отдать въ бурсу!

Пріемъ въ бурсу, квартира и разлука съ папенькою.

Смотрителемъ училища былъ соборный протопопъ о. Василій Янчевскій. Папенька былъ хорошо знакомъ съ нимъ и иногда пивалъ у него пунши. Я помню только, что онъ вышелъ въ столовую и благословилъ меня, а папенька пошелъ опять съ нимъ въ его святилище. Страшно мнѣ было здѣсь, особенно потому, что папенька почему то покидалъ меня одного въ комнатѣ. Я тогда не понималъ еще субординаціи. Отъ смотрителя мы поѣхали къ инспектору Крыловскому. Тутъ папенька оставилъ меня на повозкѣ, а самъ пошелъ въ комнаты. Скоро съ повозки нашей понесли на дворъ боченокъ съ коноплянымъ масломъ, Яковъ голову сахару, а самъ папенька большую булку, какую маменька печетъ только къ Пасхѣ, и повелъ меня къ инспектору.

Инспекторъ, тогда еще свѣтскій, показался мнѣ ласковѣе смотрителя; опъ кое-что спросилъ у меня, кажется, и перо мое опробоваль и сказалъ: будетъ учиться"! Отъ инспектора мы отправились на монастырскую слободку искать квартиру. Папенька хотѣлъ поставить меня вмѣстѣ съ Гомолѣвскимъ поповичемъ Александромъ Кирилловичемъ Громановскимъ, который былъ „примусомъ“ 4-го класса, и съ племянникомъ нашего дядка Балдавскимъ изъ Вовны, вторымъ примусомъ и неразрывнымъ другомъ Громановскаго. Я тогда уже понималъ отчасти величіе примусовъ, а послѣ смотрѣлъ на нихъ съ величайшимъ благоговѣніемъ, какъ на какія то свѣтила, которыя въ бурсѣ именовали „геніями“. Квартирка ихъ, состоявшая изъ двухъ комнатокъ, находилась у самаго сѣзда на гору, надъ жидовскою сторожевою будкою; она плѣнила меня и потому, что здѣсь жили „геніи“, но мнѣ не было уже тамъ мѣста: опоздали! Въ концѣ концовъ остановились у Никитихи, въ трехъ дворахъ отъ монастырской „бремы“, по правую сторону, какъ взбираться на гору по слободкѣ. Это была вдова штатнаго монастырскаго служителя, по имени Евдокія Емельяновна, не старая еще женщина, довольно виднаго роста, съ продолговатымъ и пріятнымъ лицомъ; при ней жила дочь Домна, уже невѣста, а сынъ Лавренъ, молодой парень, служилъ въ келейникахъ у архимандрита, почему и носилъ суконный сюртукъ съ манишкою по праздникамъ. Дворикъ ея небольшой. Противъ воротъ двѣ избы, передѣляемые сѣнями съ чуланомъ; въ избѣ валѣво со входа жила сама хозяйка, а направо хатка для квартирантовъ—учениковъ; кромѣ того, направо отъ воротъ особая хатка для учениковъ, въ которой и поставили мою кроватку. Здѣсь были четвертокласники: Михаилъ Константиновичъ Роженовскій, сынъ нашего Ивотскаго благочиннаго, одѣвавшійся лучше всѣхъ и всегда съ манишкою; Лободавскій, поповичъ изъ Дорошевки, что за Бѣлицею, казавшійся тогда мнѣ ростомъ въ косой сажень; Цитовичъ, ходившій въ суконной шинели и ростомъ почти съ Лободавскаго; знаменитый Безпалый, ростомъ съ Цитовича, довольно плотный собою, съ широкимъ носомъ, нюхавшимъ табакъ, въ синемъ повошенномъ суконномъ сюртукѣ и съ короткою „жилеткою“, съ снурочкомъ

при ней для ключика отъ сундука и съ завьяловскимъ ножикомъ въ карманѣ; Троцкій, небольшого роста, блѣдный табаконюхъ, умѣвшій шить сапоги; два брата Масютины Ѳедоръ и Николай, сыновья военнаго дьякона изъ Шостенскаго порохового завода, поступившіе одновременно со мною въ бурсу и принятые прямо во 2-й классъ. Такъ какъ четвертокласники всегда и во всемъ имѣютъ безконечное преимущество предъ второкласниками, то мы съ Масютиными и пришлись худшія мѣста въ хатѣ: ихъ мѣсто сейчасъ же у входа съ правой стороны, въ углу хаты, а мое далѣе у самага окна, за которымъ слѣдовало еще одно окно и третье уже не съ западной, а съ южной стороны, противъ двери; между этими послѣдними окнами—учебный столъ, покрываемый хозяйскою скатертью по праздникамъ, и святой уголь. Съ лѣвой стороны отъ входа была печка, а за печкою двѣ кровати у глухой стѣны (восточной) и одна у южной. Такимъ образомъ, въ 9-ти аршинной хатѣ въ длину и не болѣе 6 аршинъ въ ширину, помѣстилось насъ 8, или вѣрнѣе 9 человѣкъ (еще кого-то не припомню), а коекъ было всего 5-ть. Я спалъ одинъ, а прочіе, кромѣ Рожновскаго, кажется, по двое на кровати. Относительно высоты потолка нашего я знаю только, что Лободавскій могъ достать до него своимъ локтемъ, а небольшой Троцкій,—подскакивая. Тогда не наблюдали еще кубическихъ измѣреній вмѣстимости воздуха, а держались того, сколько въ хатѣ можно поставить коекъ, чтобы спать на нихъ по двое а иногда по трое, такъ что хозяева въ крайности только терпѣли однокоечниковъ. Другая, отдѣльная хата нашей квартиры была вдвое меньше нашего помѣщенія, но въ ней жило не менѣе 7-ми человѣкъ на четырехъ койкахъ, съ старшимъ Кочановскимъ. Кочановскаго мои четвертокласники съ какимъ-то негодованіемъ называли примусомъ, хотя онъ былъ только 5-мъ или 6-мъ ученикомъ въ 1-мъ разрядѣ, но это потому вѣроятно, что сами они были не выше 2-го и не ниже 3-го разряда. Этого Кочановскаго, котораго и я считалъ примусомъ (да онъ и отличался серьезностью!), папенька хотѣлъ подговорить мнѣ въ репетиторы, когда узналъ, что Безпалый самъ не безъ сѣченія въ классѣ и вообще держится золотой срединки 2-го

разряда, но почему-то поручилъ меня Безпалову, кажется за 1 р. 50 к. въ треть. Папенька тутъ же строго приказаль мнѣ слушаться Безпалаго, а Безпалаго просилъ отечески взыскивать съ меня за ученье и шалости. Квартира Никитихи считалась одною изъ лучшихъ на слабодкѣ. Она стоила въ годъ деньгами сперва 15 руб. сер., а потомъ дошло до 20 р. Папенька мой условился платить 5 р. деньгами, а на 10 р. разною провизіею. Простившись съ хозяйкою, папенька приказаль мнѣ слушаться ее и сталъ собираться въ дорогу. Когда онъ благословилъ меня и сладко, сладко, со слезою поцѣловаль меня, въ глазахъ моихъ потемнѣло, какъ темнѣть у всякаго, надъ кѣмъ читають отходную... Онъ, кажется, хотѣлъ, чтобы я не провожалъ его, но я проводилъ его съ горы до того мѣста, гдѣ трусятъ жиды «горѣлку» у всякаго вѣѣзжающаго, но не вѣѣзжающаго изъ города; тутъ онъ еще разъ благословилъ, поцѣловался со мною, а когда я горько заплакалъ, сказалъ: „не плачь, я скоро прїѣду къ тебѣ, и matka прїѣдетъ иди скорѣе на квартиру“! Меня какъ будто сопровождалъ Безпалый. Пока папенька еще былъ въ городѣ, я успѣлъ узнать, что бурсаки смѣются съ тѣхъ, которые плачутъ „по дому“ или по папенькѣ и маменькѣ, а потому и долженъ былъ подавить свои слезы, когда взошелъ на гору. Но лишь только добрался до квартиры, какъ поспѣшилъ влѣзть на коровникъ, не увижу ли еще повозки папеньки? Я зналъ уже дорогу къ парому, но видѣлъ около него какія-то блуждающія точки. Значить, не увижу уже... О, Боже! бездна адова предстала предо мною. Я одинъ, одинъ, одинъ! нѣтъ со мною никого, съ кѣмъ бы я желалъ жить, жить и жить! всѣ чужіе вокругъ меня, и никому я не нуженъ, какъ и они для меня! Горю нѣтъ предѣла, но слезы надо утирать, чтобы не замѣтили бурсаки: „на шкурки поднимутъ“! при мнѣ одного уже поднимали такого. Гляжу опять вдаль; вижу Одижайловку: тамъ вѣрно теперь мой папенька ѣдетъ! Опять заволокутся глаза, ничего не вижу! Послѣ различу на взгоркѣ Остроушки и снова утрусъ полою моего бѣднаго сюртучка! А тамъ, тамъ... за тѣмъ лѣсомъ, за невиднымъ Сержомъ, за благочинническимъ Ивотомъ, за близкою Антоновкою, куда маменька ѣздитъ каждый годъ исповѣ-

дываться... О, тамъ мой Едемъ, мое блаженство, тамъ небо мое, тамъ вся сватыня моя! Зачѣмъ я одинъ?... Но слышу, меня уже кличутъ обѣдать, и кличутъ не какъ дома: Гавруша, Пясецкій, де ты сховався, обѣдать! Я утерся въ послѣдній разъ полою, а такъ какъ она была вся мокрая отъ слезъ, то застегнулся на пуговицы, чтобъ она не выдавала меня предъ соквартирантами; спустился въ коровникъ и тамъ присѣлъ, будто дѣло дѣлаю... Тамъ нашла меня сама хозяйка и повела обѣдать. Изъ уваженія ли къ моему патрону Безпалому, или потому, что мои соквартиранты были уже довольно солидны, никто не поднялъ меня тогда на шкирки, хотя слезъ своихъ я и не могъ выполнѣ утаить.

Бурса въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

(Изъ автобіографіи Г. М. Пясецкаго, бывшаго преподавателя Орловской духовной Семинаріи).

Мое посвященіе въ тайны бурсы.

Бурса—это особый міръ понятій и жизни во всемъ школьномъ ея разнообразіи. Въ этотъ міръ долженъ былъ посвятиться каждый новичекъ. Бывали ревнители посвященія, которые не хотѣли выжидать. Они считали своимъ долгомъ совершить такое посвященіе какъ можно скорѣе и иногда поджидали новичка въ горныхъ дефилеяхъ, когда онъ, простившись съ родителями, поднимался на слободскую гору. Тутъ они поднимаютъ его „на шкурки“: атакуютъ, дергаютъ за полы, отрѣзываютъ пуговицы, просятъ „галды“ (гостинцевъ, денегъ), дѣлаютъ „смазь“ по лицу, отъ чего изъ губъ показывается часто кровь, даютъ тумачковъ, подносятъ „шпановъ“ къ носу, поднимаютъ „на воздухъ“ и при случаѣ оплевываютъ. Это первая и, по правдѣ сказать, рѣдкая уже въ мое время степень посвященія. Я се не проходилъ. Меня не встрѣтили шкурками и по возвращеніи моемъ на квартиру у воротъ: Безпалаго, моего репетитора, вѣроятно боялись. А начали посвящать меня исподоволь и такъ благородно, что самъ Безпалый тому не противорѣчилъ. Тотчасъ послѣ обѣда выманули меня изъ моей хаты въ другую и говорятъ: умѣешь ли ты безъ ножницъ отрѣзать рукавъ рубашки и пришить его безъ нитки и иголки?—А вы развѣ умѣете?—Умѣемъ,—хочешь и тебя научимъ?—Хочу, научите!—Ишь ты какой, даромъ хочешь! Мы за это сами платили гроши; что дашь?—А сколько жъ треба дать?—Давай ты, поповичъ, гривну (т. е. 3 к. сер.)—Я подумалъ, что если они выучатъ меня такому дѣлу, то я похваюсь имъ дома, когда поѣду объ Рождествѣ,—и скоро согласился. Мнѣ велѣли остаться въ сѣняхъ, спустить

рукавъ рубашки, подать его конецъ черезъ дверь въ хату, а самому, когда они прихлопнуть дверь предо мною и скроются въ хатѣ, читать записку, тогда же врученную мнѣ. Я читаю: „Ей, ей, лей, лей! Богомъ божуся, ни на кого не разсержуся“. Едва я выговорилъ громко эти слова, какъ почувствовалъ, что мою спину, грудь и до самыхъ пятокъ обдало водой. Я вскрикнулъ, а они со смѣхомъ отворили дверь и спрашиваютъ: „ну, что, теперь умѣешь уже отрѣзать и пришить рукавъ“? Отвѣчаю: нѣтъ, еще не умѣю!—Ну, а хочешь совсѣмъ выучиться?—Такъ давай еще пятака (т. е. 1½ к. сер.)!—Я отдалъ пятакъ, а они опять только обдали меня черезъ рукавъ водою и снова, съ большимъ еще смѣхомъ спрашиваютъ: „теперь умѣешь и съ другихъ больше возьмешь за такую науку“? Когда же я понялъ, что меня „надули“, да еще насмѣхаются, то думалъ было обидѣться и хотѣлъ пожаловаться Безпалому, но мои учителя сказали: какъ ты смѣешь! вѣдь ты самъ говорилъ: лей и божился, что не разсердишься, и хотѣли поднять меня за это на шкирки. Но тутъ выбѣжала хозяйка и защитила меня; только жаловаться отнюдь не велѣла, потому что я божился не сердиться, да „и не годится“,—добавила она. Эта „не годится“, какъ я послѣ узналъ, имѣло великій смыслъ: „жаловаться“ было самое не любимое слово въ бурсѣ; кто жалуется на другого, тотъ измѣнникъ бурсы, презрѣнный ренегатъ, точнѣе „потайной“. А „потайного—собаку“ не только можно было всякому бить, но необходимо было и прибить. „Потайной—собака“ такое презрѣнное существо, съ которымъ и говорить считалось оскверненіемъ: его только молча толкали въ спину, въ бока, подставляли ему ногу, чтобъ онъ самъ упалъ и наткнулся носомъ о что-либо острое; когда онъ появляется на дворѣ казенной бурсы, отовсюду гремить: потайной собака! Когда потайного приказываетъ высѣчь учитель,—того только и ждали, чтобъ засѣчь его безъ отвѣта предъ судомъ. Обыкновенно тайной инфаміи никто не могъ перенести; кого она постигала, того или родители перемѣщали въ другое училище, если онъ хорошо учился,—или навсегда должны были оставлять дома; если же родители не хотѣли поступить такъ, то у потайного собаки скоро будутъ „отбиты печенки“; говорили, что потайной собака

вообще не жилецъ на свѣтѣ и что многіе потойные накладывали на себя руки. Конечно, такая ужасная инфамія постигала не всякого жалобщика, а только того, кто жаловался инспектору, такъ какъ при этомъ непремѣнно подозревали, что такой долженъ быть донощикъ; но вообще и кому бы то ни было жаловаться, какъ то: учителю, репетитору, родителямъ,—было чрезвычайно опасно. Тутъ была своя бурсацкая великая логика: отъ учителя недалеко и до инспектора; кто не остережется жалобы предъ репетиторомъ, тотъ носить въ себѣ опасный духъ, который можетъ пойти дальше; пожаловаться родителямъ—значить—чего добраго привлечь инспекцію къ разбирательству. Истинный бурсакъ долженъ быть закрытъ для всего міра, обязанъ хранить всякую тайну бурсацкую до гроба или до выхода изъ бурсы, никогда и ни на кого не жаловаться; онъ долженъ или все сносить и терпѣть на себѣ, или, если надѣется на себя, разыскать свою обиду кулачнымъ правомъ, послѣдняго сорта бурсаковъ не только не преслѣдовали, а записывали „въ силачи“, какое прозваніе считалось почетнѣе еще „примуса“. Только дослужиться такой чести было весьма трудно: надо было сразиться на кулакахъ непремѣнно съ записнымъ силачемъ и на виду у всѣхъ согнуть его, что называется въ бараній рогъ,—до просьбы о пощадѣ. И многіе, добиваясь славы силача, кашляли кровью и скоро сходили со сцены міра сего; такихъ обзывали „ярыжками“ (отъ слова ярыться, бѣситься попусту). Истинный силачъ вмѣняетъ себѣ за безчестье возиться даже съ ярыжками: ему достаточно показать свой кулакъ, чтобъ отогнать отъ себя любого ярыжку. Но между ярыжками бываютъ „за деры“; тогда силачъ долженъ только пихнуть его въ грудь такъ, чтобъ онъ упалъ навзничъ, т. е. затылкомъ въ землю; а если бы ярыжка вздумалъ еще послѣ того ярыжничать, силачъ обязанъ пихнуть его въ землю носомъ. Послѣ этого у всякаго ярыжки охота лѣзть къ забѣдомому силачу пропадаетъ; а если бы не такъ, то силачъ уже не будетъ касаться его: такого должны оттащить съ позоромъ другіе, „подъярыжки“. Но пока я не зналъ еще всего этого; меня только начали посвящать. Выучившись отрѣзывать рукавъ безъ ножницъ и пришивать его безъ иглы и нитки, я, ко-

нечно, недовольнымъ возвратился въ свою хату. Мнѣ не такъ денегъ было жаль, какъ того, что меня два раза на одной и той же наукѣ надули: такіе простаки рѣдко попадались между бурсаками, и они вообще считались за непонятныхъ, невразумительныхъ, точнѣе—дураковатыхъ. Объ этомъ сейчасъ же узнали мои ближайшіе сожители—четвертоклассники. Троцкій вызвался довершить мое посвященіе. „Тебя тамъ надули и деньги даромъ на галду взяли, а вотъ, если хочешь, я выучу тебя, какъ въ чернильницу влѣзть и вылѣзть,—что дашь“? Я подумалъ, что и Троцкій хочетъ надуть меня, какъ тотъ примусъ Кочановскій съ репетируемыми имъ учениками, а потому отвѣтилъ: „не хочу, вы обманете!“ Тутъ за Троцкаго вступились: „развѣ можетъ онъ (разумеется четвероклассникъ) обманывать“? Въ числѣ поддерживавшихъ авторитетъ Троцкаго были и лукавый Лобадавскій, и грубоватый, но благородный Цитовичъ, и, кажется, даже покровительствовавшій мнѣ сынъ Благочиннаго Рожановскій. Ласковыя слова послѣдняго склонили меня на торгъ съ Троцкимъ за такую любопытную науку. Троцкій запросилъ дорого, чуть ли не 10 к. сер., но спустился до 5 к. сер. Я былъ очень радъ, и всѣ какъ-то были пріятно оживлены. Приготовленіе началось съ того, что взяли дверь на крючекъ, объявивъ мнѣ, что это нужно для того, чтобы нечистая сила не помѣшала. Они, вѣроятно, разумѣли хозяйку, или учителя Страховскаго, появлявшагося иногда, какъ снѣгъ на голову въ качествѣ субинспектора, или самого инспектора, или, наконецъ, и смотрительшу, которая хоть очень, очень рѣдко, но посѣщала квартиры вмѣсто своего мужа, никогда не бывавшаго на ученической слободкѣ.—я же повѣрилъ имъ на слово о нечистой силѣ. Потомъ поставили чернильницу на полу, меня чѣмъ то покрыли и придерживали предъ чернильницею, а Троцкаго послали зачѣмъ то къ запечку; пока тотъ возился тамъ, меня радовали обѣщаніемъ, что вотъ ты скоро влѣзешь въ чернильницу и вылѣзешь изъ нея! Наконецъ является Троцкій ко мнѣ, произноситъ какіе-то заклинанія или вызванія, охватываетъ мое лицо руками подъ покрываломъ, трется у лба, глазъ, носа, щекъ, ушей, и требуетъ отъ меня какихъ-то заклятій, „что было, то прошло и ни-

кому не будетъ извѣстно, кромѣ тѣхъ, которые въ хатѣ подѣ крючкомъ“. Я даже уполѣлъ, ожидая, когда же я влѣзу въ чернильницу... Вдругъ всѣ съ грохотомъ повалились на койки, Троцкій снялъ съ меня одѣяло и самъ, такой серьезный, какъ жрецъ Элевзинскій, бросился на койку. Я вижу у ногъ чернильницу, а всѣ бьютъ въ ладоши и кричать: побываль, побываль уже! Не понимаю ничего и думаю, что опять надули, а они продолжаютъ заливаться со смѣху. Наконецъ, мнѣ дали посмотрѣть на себя въ маленькое зеркальце: я былъ вымазанъ въ сажу „какъ чортъ“... Тутъ я уже не выдержалъ и заплакалъ. Мнѣ особенно горько было, что и Рожановскій меня надуваетъ! Но онъ же первый и утѣшилъ меня, сказавъ: „ничего, не плачь, такъ и меня и всякого учили! вотъ вода, умойся, чтобъ хозяйка не увидѣла!“ самъ же и мыла своего далъ мнѣ. Про случай, тутъ же напомнили мнѣ, что я самъ захотѣлъ влѣзть въ чернильницу и далъ слово никому не рассказывать, такъ теперь уже „ключъ въ воду, языкъ на замокъ: т. е. полное молчаніе, безъ жалобы кому бы то ни было. Изъ той хаты почему-то скоро узнали о моемъ дальнѣйшемъ посвященіи, и, когда я вышелъ отъ горя на дворъ, то меня встрѣтили со смѣхомъ, но тутъ же любезно предложили мнѣ играть съ ними въ „цурки“. Я посмотрѣлъ,—игра эта заняла меня. Цурка—это обтесанная и заостренная палочка, по концу ея бьютъ другою палочкою такъ, чтобъ она подскочила вверхъ и перлетѣла чрезъ заборъ или ворота; за нею летитъ цурка другого, и если и эта упала за ворота, то всѣ бѣгутъ и начинаютъ мѣрять шагами разстояніе между ними; чья цурка упала дальше, тотъ выигралъ, и столько выигралъ, сколько шаговъ между ними разстоянія. Играли въ цурку и на деньги, и на пуговики, и на разную галду, а у кого ничего не было, „на носъ“, т. е. чтобъ драть за носъ или за уши, по условію. Я остерегся отъ игры, подозрѣвая какое-либо новое надувательство для меня, но цуркою мнѣ набились, и я заплатилъ за нее копѣйку что-ли. Къ вечеру стали играть въ пуговики. Эта игра особенно понравилась мнѣ. Играютъ „битками“, а расплачиваются пуговками или деньгами. Битокъ—это мѣдная солдатская пуговица, изогнутая такъ, чтобъ могла далеко летѣть, когда ея ударятъ о заборъ.

За биткомъ летить битокъ другого игрока такъ, чтобъ упасть на первый битокъ; упадетъ и звякнетъ: высшій выигрышъ, смотря по ставкѣ; обыкновенно же первый битокъ отдается въ плѣнъ владѣтелю втораго, столь ловкаго битка, или немедленно выкупается по таксѣ. Но были битки выше таксы, — прославленные своими успѣхами; такіе подлежали добровольному торгу и доходили стоимостью, смотря по охотнику, даже до 20 к. сер. Если же битокъ не ударится о битокъ, то мѣряли пядью разстояніе между ними: менѣ пяди — выигрышъ равняется одной костяшкѣ; болѣе пяди — проигрышъ на столько костяшекъ, на сколько пядей разстояніе. Каждый сортъ пуговицъ подходящъ былъ подъ то или иное число костяшекъ. Костяшка — единица всякаго счета. Часто спорили, каждый свою пуговицу цѣнилъ въ большее число костяшекъ, но тогда „доки“, т. е. записные знатоки, которые обыкновенно бывали и мѣняйлами, рѣшали споръ. Вышаго сорта роговая пуговка, что пришивается къ сюртуку, цѣнилась въ 8 костяшекъ, жилетная такая же въ 4, а если блестящая, то въ 6, наравнѣ съ сюртучною; перломутровыя — отъ 6 и до 24, смотря по величинѣ. Мнѣ пришлось потомъ видѣть такую дорогую пуговицу, что счастливый обладатель ея „не бивалъ за нее“ 50 разъ, т. е. цѣнилъ въ 50 костяшекъ. Мнѣ тоже набились биткомъ, но „обдурили“: кажется, взяли съ меня 3 к. сер., а дали такой битокъ, что если играть имъ, то всегда будешь въ проигрышѣ, — не попадаетъ въ цѣль! Приторговалъ я тутъ же и нѣсколько себѣ пуговокъ „на заводъ“, да, пока торговался, у меня успѣли отрѣзать на сюртукъ кровныхъ моихъ двѣ пуговицы. Вообще же за первый день меня обучили на цѣлаго семигривеннаго. Когда я ѣхалъ въ бурсу, то маменька, знавшая обычаи бурсы по рассказамъ Ивана Петровича, твердила мнѣ, чтобъ „я смотрѣлъ, чтобъ бурсаки меня не надули, чтобъ ключика не отвязывалъ отъ жилетки, а на ночь клалъ бы жилетку подъ голову“, но истинная мудрость, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, пріобрѣтается не совѣтами, а путемъ горькаго опыта. Папенька твердилъ мнѣ одно только: „учись и не шали!“ Онъ, какъ самъ прошелъ „точило“, огонь и воду бурсацкую, хорошо сознавалъ, что и для меня бурсацкое чистилище будетъ неизбежно, а потому и словъ

на подобные совѣты не тратилъ. И книга бурсацкаго чистилица или посвященія раскрывалась предо мною долго, потому что было необъятно.

Пока происходилъ пріемъ въ бурсу и дѣлались разныя приготовленія къ открытію ученія, а бурсаки шатались по слободкѣ,—тутъ-то и происходили всякаго рода посвященія. Я еще никому не давалъ галды изъ своего сундука, а это было въ обычаѣ бурсы, и кто не исполнялъ его, того старались посвятить. Самъ, кажется, Безпалый посовѣтовалъ мнѣ „выложить галды“, но я выложилъ мало, и когда выкладывалъ, другіе наблюдали и примѣтили, что галды у меня много. Я сталъ не досчитываться своихъ кренделей, которые такъ пахли для меня маменькою и вообще шатрищами, почему особенно и были мнѣ вкусны. Никакъ не могъ я догадаться, куда дѣваются мои крендели, потому что съ ключикомъ не разлучался. Думаю: или мыши, или память въ счетѣ измѣняетъ... Потомъ и булка моя начала уменьшаться; не досчитался и нѣсколькихъ грушъ. Наконецъ, какъ въ воду пропалъ мой ключикъ; что дѣлать? Хожу подлѣ сундука чуть не со слезами, и самому галды хочется, а главное—заглянуть хочется въ сундукъ: въ немъ мои шатрищи! что дашь намъ?—говоритъ Троцкій; я отопру“. Я пообѣщалъ галды, и онъ отперъ мой сундукъ перомъ: я и руки опустилъ... Да развѣ можно отпереть перомъ? Я считалъ его за чернокнижника, т. е. знающагося съ нечистою силою, такъ какъ мнѣ успѣли уже наговорить бурсаки о тайной силѣ, и съ тѣхъ поръ сталъ уже побаиваться Троцкаго. Въ сундукъ моемъ сильно поубавилось галды. Взяли что-то съ меня за ворожбу, чтобъ нашелся мой ключикъ, точвѣе—чтобъ нечистая сила возвратила мнѣ его, и оно чуть ли не изъ трубы выкинуло мнѣ его обратно. Тутъ дѣйствовалъ все тотъ же Троцкій, а прочіе сочувствовали ему. Вообще, благодаря Троцкому, въ моемъ сундукѣ ни булка не заплѣсневала, ни крендель не зацвѣлъ, ни яблоко не сгнило, а это избавило меня на первыхъ же порахъ отъ страшнаго въ бурсѣ прозвища „скряги“, „скареды“, т. е. скупца. Скрыгъ презирали всѣ; и кто разъ прослылъ скрягою, тотъ надолго уже получалъ эту презрѣнную кличку. Эта инфамія хотя и не равнялась инфаміи потайного собаки,

но была такъ ужасна, что многіе скряги отъ одной крайности переходили къ другой, т. е. становились расточительными. И это единственное для нихъ спасеніе. Восчувствовавъ позоръ, скряга, по прїѣздѣ изъ дома, отдавалъ, кому попало, всю свою галду, а иногда даже не запиралъ и самого своего сундучка. Тогда, если бы еще кто вздумалъ прилагать къ нему прежнюю кличку, за него вступались уже соквартиранты и отмщали обидчику своими кулаками и разными пинками и смазьями. Смазь состояла въ томъ, что дѣлающій ее наберетъ слюны и другой гадости въ ладонь, да и поведетъ его отъ губъ чрезъ носъ и глаза до затылка, чтобъ было чѣмъ на чужой головѣ обтереть свою испачканную руку. Такая смазь считалась обычною данью „скаредамъ, скрягамъ“. И нѣкоторые привыкали къ этимъ смазьямъ такъ, что никакого неудовольствія у нихъ на лицѣ не замѣчалось,—только утирались полами и шли далѣе, особенно, если смазь исходила отъ силача или даже отъ какого-нибудь ярыжки: въ первомъ случаѣ смазь принималась иногда даже какъ любезность „великаго человѣка“, а въ послѣднемъ—какъ необходимая уступка тому, кто самъ „задирается“ (напрашивается) на большее. И Троцкій въ отношеніи меня сколько былъ воришкою и плутомъ, столько же и благодетелемъ. Скоро опорожнивъ мой сундукъ, онъ ослабилъ во мнѣ жадность къ своей галдѣ, а главное способствовалъ застрахованію моему отъ „скаредности“ со всѣми ея ужасными послѣдствіями. Меня почти не обзывали скрягою, а смазь, если давали, то подъ другими поводами: то когда примѣчалъ кто мою грусть „по дому“, то изъ задора, чтобы вызвать меня на драку и узнать мой характеръ, равно и силу, то изъ-за примусничества. Смазь изъ-за примусничества отпущкалась тѣми изъ ярыжекъ, которыхъ больно высѣкали въ классѣ и которымъ пужно было вылить свою злобу на не высѣченныхъ, особенно, когда эти послѣдніе отнесутся къ нимъ съ участіемъ боли. Смазь являлась тогда обычною данью: ибо бурсакъ не долженъ высказывать ни къ кому сожалѣнія. Это тоже входило въ программу бурсацкаго посвященія. Особенно наблюдали за братьями въ классѣ: если одного сѣкутъ, другой долженъ держать себя весело, какъ и всѣ;

поморщится, поплѣднѣетъ—за это ему будетъ послѣ не одна смазь, а покажется у него слеза, такъ этого не проститъ и самъ учитель: „теперь, молъ, плачешь по братѣ, а тогда (въ квартирѣ) не понуждалъ учиться,—высѣчь и его, чтобъ ни тому, ни другому было не обидно“! Отъ такихъ то золь избавилъ меня Троцкій. Но я не исключительно Троцкому обязанъ былъ своевременною наукою, а общему великому воспитательному духу бурсы, носителемъ котораго въ моей квартирѣ только по преимуществу являлся Троцкій, а по другимъ квартирамъ были непременно свои Троцкіе. По понятію бурсы, всякій новичекъ—„скряга“, потому что такъ учатъ всѣ родители; потому надо всякго новичка просвѣтить, и просвѣщали съ терпѣніемъ и ожиданіемъ благихъ плодовъ, какъ истинные педагоги. Скрыги обозначались и терминировались не сразу, а послѣ всѣхъ мѣропріятій—выпросы, угрозы и похищеніе галды. Кто изъ новичковъ умирается съ такими методами, не доискивается покражи, самъ смѣется надъ порчею своего замка и вообще не таится галдою, и она скоро у него выходитъ; тотъ побѣдилъ искусъ и въ этомъ отношеніи сталъ благонамѣреннымъ бурсакомъ. Въ исчезновеніи моей галды и денегъ я увидѣлъ еще другую мудрость традиціонной бурсы: родной домъ сталъ не такъ ясно предноситься мысленному взору, и слезъ у меня было уже меньше. Бывало, какъ возьмешь себѣ въ карманъ домашней галды и полѣзешь съ нею на коровникъ, чтобъ никто не выбилъ ее изъ рукъ, то пока съѣшь ее, всю полу оросишь слезами,—все думаешь, какъ маменька пекла, какъ укладывала въ сундукъ своими руками... А вышла галда, и повода къ слезамъ меньше. Меня только смущало одно, какъ это Рожановскій и другіе не плачутъ о своихъ папенькахъ и маменькахъ, а такіе веселые и игривые!

Бурса въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

(Изъ автобіографіи Г. М. Пясецкаго, бывшаго преподавателя Орловской духовной Семинаріи).

Я въ классѣ.

Вотъ пора идти въ классъ! Я съ своими соквартирантами товарищами прошелъ браму, монастырскій дворъ, потомъ обогнулъ бурсацкій корпусъ и уже вступилъ въ коридоръ предъ лѣстницею на 2-й этажъ, гдѣ помѣщались классы. Ученики кишѣли предъ лѣстницею и на лѣстницѣ какъ муравьи. Едва я показался у перваго порога лѣстницы, какъ съ двухъ сторонъ овладѣли мною и подбросили вверхъ; тамъ, на слѣдующихъ ступеняхъ, уловили меня и подбросили еще; въ нѣсколько такихъ пріемовъ я, не дотрогиваясь ногами до лѣстницы, обогнулъ ее всю и былъ поставленъ уже на 2-мъ этажѣ. Когда меня подхватили, я сильно испугался; думалъ, что будутъ бить и убьютъ; но подкидывали меня такъ, что почти не больно было, да еще какъ-то весело, съ приговариваніемъ какимъ-то... Я понялъ, что такъ, видно, нужно, и отдался незнакомымъ рукамъ на ихъ произволъ. Едва я сталъ на ноги, какъ и другой также прилетѣлъ ко мнѣ. Тутъ мнѣ кто-то пояснилъ, что такъ здѣсь встрѣчаютъ бурсаки каждаго новичка. Послѣ я узналъ, что это триумфальная встрѣча, какъ бы въ ознаменованіе вѣчности и неоскудѣваемости бурсы. Бывало, что иногда новичка чествовали и вторичнымъ триумфомъ, но это единственно по недоразумѣнію, когда посвященнаго уже примутъ за непосвященнаго, а самъ триумфаторъ не догадается объявить о себѣ во время; если же узнаютъ, то такого со смазью бросаютъ на половинѣ лѣстницы, такъ что онъ можетъ и ушибиться при паденіи. Это тоже были шкирки, но особаго рода. На такіе шкирки поднимали иногда не въ зачетъ и героевъ дня, и облюбленныхъ примусовъ. Ге-

роями дня были или отличившіеся на кулачках, или озлобленные начальствомъ за озлабленіе потайного собаки, или имянинники-четвертокласники, праздновавшіе свой день товарищески въ жидовской Одымайловкѣ; а примусовъ ждала такая честь за истинное, дружеское товарищество, за довѣрчивое, безъ прослушиванія, аудиторство и особенно тогда, когда они, какъ обличенные довѣремъ инспекціи, скроютъ преступленіе другого и добровольно подвергнутся за то сѣченію сами. Это своего рода протестъ начальству. Помнится, что такимъ триумфомъ за что-то, за геній ли, или за любезность свою со всѣми, почтенъ былъ примусъ изъ примусовъ А. К. Громановскій. И какой онъ былъ въ бурсѣ веселый, разговорчивый, со всѣмъ не такой, какимъ впослѣдствіи я нашелъ его въ Академіи за магистерской диссертацией! Самый 4-й классъ, къ которому прежде всего вела лѣстница, казался мнѣ какимъ-то святилищемъ и не столько потому, что въ немъ всѣ четвертокласники, большіе силачи, многіе въ шинеляхъ, часто въ манишкахъ, умные такіе всѣ, что и по латыни и по гречески переводятъ, сколько потому именно, что тамъ сидитъ на первомъ мѣстѣ примусъ надъ примусами, геній, духъ котораго, гдѣ онъ ступитъ, оставляетъ свой запахъ, атмосферу. Я принимался къ его запаху и не разъ старался уловить его слѣдъ, такъ чтобъ ступить на него первымъ, когда онъ опростается, и это мнѣ иногда удавалось. Становился и на слѣдъ друга его Балдовскаго, но нечувствовалъ такого подъема духа въ себѣ. Мнѣ казалось, что и Балдовскій потому изъ примусовъ, что живетъ съ Громановскимъ подъ одною кровлею. О нихъ говорили, что „они никогда и не учатся, все разговариваютъ только, а все знаютъ, потому и геніи“!.. Не успѣлъ я прочувствовать величіе 4-го класса, подлѣ котораго возвеличили меня триумфомъ, какъ кто-то удостоилъ меня „малою смазью со словомъ: „поповичъ ты“! Малая смазь чистые пустяки, дружеское дѣло; я познакомился съ нею еще въ квартирѣ пока не было ученья; и чуть-ли при самомъ Безпаломъ мнѣ не давали ее; это легкое слюновеніе ладони и довольно „учтивое“ (приличное) проведеніе его по одному лицу, не до затылка, такъ какъ ладонь и отъ того дѣлалась уже высохшею. Сказывали, что такими сма-

зями угощаль и А. К. Громановскій друга своего Балдовскаго, когда тотъ сдѣлаетъ ошибку въ классѣ предъ учителемъ, а Балдовскій, въ видѣ особой почести, дѣлалъ смазь даже Громановскому, если тотъ при переводѣ какомъ нибудь шелъ въ лѣни и тѣмъ унижалъ свое примусничество. Но слово „поповичъ“ почему-то показалось мнѣ обиднымъ. Это, послѣ нѣкотораго посвященія въ мѣръ бурсачества, подсказывалъ мнѣ инстинктъ. Послѣ я узналъ, что поповское происхожденіе нѣсколько не согласовалось съ типомъ истаго бурсака, или точнѣе было тупо къ воспріятію полного бурсацкаго духа, задерживало полное опрощеніе бурсою. Тутъ была великая доля правды, традиціоннаго усмотрѣнія и заключенія. Истовые бурсаки, какъ я послѣ приглядѣлся, были дѣти или церковныхъ сторожей или указныхъ понамарей, въ порядкѣ и стихарныхъ понамарей и почти никогда не выше стихарныхъ дьячковъ. а дьяконовичи (которыхъ впрочемъ у насъ было очень мало) и поповичи, какъ чище одѣтые, болѣе приличные въ обхожденіи и съ галдою въ карманѣ, слыли подъ нѣсколько обиднымъ въ бурсѣ названіемъ—„паничей“ и должны были потому смиряться „малою смазью“. Послѣ я видѣлъ уже и Лобадовскій, самъ поповичъ, давалъ малую смазь Рожановскому за то, что онъ сынъ Благочиннаго. Равнымъ образомъ, если къ кому заявлялся отецъ въ скуфѣ или камилавкѣ, то, послѣ посѣщенія, сыну его будетъ смазь: „а, твой отецъ имѣетъ скуфью, камилавку!“ и тутъ же кто-либо смажетъ. И за набедренникъ смазывали, когда узнавали; и я тайлъ своего папеньку, чтобъ не разсчитались за это со мною. Протопоповичей у насъ почти не было, а когда появлялись, то ихъ особенно усердно смазывали. У насъ былъ учителемъ протопопъ, звали его о. Павелъ, а сыну его смазь давали чуть ли не ежедневно со словами: „отецъ твой протопопъ!“ Въ такой смази было два состава: обидный и ласковый. Я, пока не окончательно посвятился въ бурсацизмъ, удивлялся, какъ это не опасаются Сашу Левицкаго угощать смазью! Саша, такой приличный, скромный, съ манишечкою, только съ паршами на головѣ (можетъ быть и отъ бурсацкой смази!), бывало плачетъ только, а если ужъ сильно смажутъ, и онъ заикнется пожаловаться папенькѣ своему (и то напросятся:

„не пожалуешься ли своему папенькѣ“?), тогда ему съ двухъ сторонъ большія смази: одна отъ прежняго обидчика, другая отъ ревнителя бурсацкаго духа. Послѣ я совершенно понималъ уже, почему и сыновьямъ самого смотрителя, протопоповичамъ, истые бурсаки отпускали всевозможныя смази. Въдѣ жаловаться считалось смертнымъ грѣхомъ! Кто пожалуется, тотъ напередъ еще пиши родителямъ, чтобъ забирали вовсе изъ бурсы. Бурса—сила, съ обычаями которой долженъ считаться и самъ инспекторъ ея. Бурса отчаянна: главари ея не боятся никого и ничего; они покорны начальству и съ перваго же слова его ложатся подъ самый „колокольчикъ“ т. е. подъ лозы въ двѣ пары, предъ лицомъ всей бурсы, но они мстительны, когда нарушаются традиции вѣчной бурсы, и готовы на всякій замыселъ, угрожающій даже Сибирью. Опытный инспекторъ долженъ знать это, чтобы не сдѣлаться хромымъ, слѣпымъ, не быть убитымъ, подожженнымъ и т. п. Такъ называемыя „похвалки“ бурсаковъ—первое предостереженіе инспектору или учителю, послѣ котораго слѣдуетъ ихъ исправленіе. На этотъ-то предметъ, потайные иногда оказывали и службу бурсѣ. Рассказывали даже, что какой то „силачъ“ нарочно прикинулся потайнымъ, чтобъ попугать инспектора за то, что онъ довелъ сѣченіе четвертоклассниковъ до нѣкотораго эффекта, чего прежде въ бурсѣ не было. Онъ приказываетъ держать ученика за руки и за ноги „на воздухахъ“, посреди класса, а сѣчь въ двѣ лозы съ противоположныхъ партъ. Это еще терпѣлось и нѣкоторыхъ бурсаковъ даже потѣшало. Къ этому привыкли. Потомъ инспекторъ сталъ призывать для такого сѣченія въ 4-й классъ второклассниковъ и первоклассниковъ и, что особенно позорило четвертоклассниковъ, ихъ же соквартирантовъ или сономерантовъ, надъ которыми они, въ свое время, являлись властелинами. Разъ позвали и меня для того въ 4-й классъ. Я былъ ни живъ, ни мертвъ! Когда я вошелъ, всѣ показали мнѣ изъ за партъ кулаки: это значило, чтобъ я не брался за лозу, иначе, „убьемъ“! Передъ инспекторомъ стояли мои великаны соквартиранты: Цитовичъ, Лобадовскій, Троцкій небольшой и еще кто-то... „Знакомы ли тебѣ эти господа?“ спрашиваетъ меня инспекторъ. „Ну, такъ бери лозу и поз-

накомься съ господами еще посредствомъ сладкой кашицы, а мы посмотримъ на нихъ на воздухахъ"! Изъ за инспектора отъ примусовъ и со вторыхъ партъ показались уже не только кулаки, но и угрозное маханіе ими, а сзади, въ виду моей неопытности, выручаютъ меня: „кажи, у меня рука болитъ! не бойся, мы тебя будемъ миловать"! Это значило, что если за мой отказъ инспекторъ велитъ разложить меня, то меня „отсвищутъ“ только по воздуху, а до тѣла не дотронутся. Я уже осудилъ себя на сѣченіе и сталъ отговариваться болью руки. „А вотъ мы тебя попаримъ, такъ и рука твоя поправится"! сказалъ какъ-то снова инспекторъ и добавилъ: „ну-те-ка его господа"! Меня участливо уже обступили „великіе господа“, но я взмолился такъ, что, вѣроятно, напомнилъ инспектору и боченокъ съ олиосомъ и голову сахару, и маменькинъ папошникъ, и папенькину „синичку“ (пятирублевку), а можетъ быть и то, что самъ же онъ далъ слово папенькѣ не мстить на мнѣ ихъ бывшей ссоры... И къ великой моей радости, инспекторъ только велѣлъ прогнать меня. Послѣ мнѣ говорили на квартирѣ: „а взялся бы ты сѣчь насъ, такъ мы тебя-бъ убили"! Угрозы и запугиваніе учениковъ входили также въ программу посвященія въ бурсацизмъ. Бурсакъ носилъ въ себѣ страхъ бурсы и тогда, когда пользовался домашними каникулами: авось, односельчанинъ или сосѣдъ выдастъ его въ чемъ либо предъ бурсою! Это заставляло дружить и ладить съ ближайшими товарищами. Но, пока, я хотѣлъ было упомянуть только, что когда какой-то потайной донесъ инспектору о похвалкѣ бурсы подбить ему и другую ногу (на одну онъ прихрамывалъ уже), то сѣченіе на воздухахъ стало рѣже, а призывъ для того учениковъ низшихъ классовъ и совсѣмъ прекратился. Мой же рассказъ прервался, по моей винѣ, на смази моей „за поповича“. Мнѣ кто-то указалъ на 2-й классъ, куда мнѣ надлежало войти. Тамъ старички, т. е. оставленные на повторительный курсъ за безуспѣшность, встрѣтили меня съ какою-то оваціею, о которой я ни отъ кого не былъ предупрежденъ. Таковы уже были законы бурсы, чтобъ никого ни въ чемъ не предупреждать, а каждому проходить всѣ искусства ея съ свѣжими впечатлѣніями, которыя бурса любила наблюдать сама въ своихъ новичкахъ.

Законы эти исполнялись такъ строго, что и родные братья не предупреждали одинъ другого о томъ, какъ и чѣмъ встрѣтить ихъ бурса. Потому, вѣроятно, и Безпалый выдавалъ меня головою предъ бурсою. Овація показалась мнѣ обидною насмѣшкою надо мною. Я мгновенно почувствовалъ свое одиночество, и горько, горько стало на душѣ! Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ моихъ, и тогда горе мнѣ: меня навѣрное приняли бы на шкирки! потому что слезящихся называли презрительно „маменькиными сыночками“ и весьма не любили въ классѣ, который долженъ быть всегда веселъ, бодръ и игривъ. Но тутъ, къ великому счастью моему, кто-то успѣлъ сдѣлать мнѣ порядочную смазъ. Замѣтилъ ли онъ уже мое намѣреніе заплакать, или просто принадлежалъ къ подъярыжкамъ, для которыхъ и самые законы бурсы ни почемъ; только его дѣйствіе замаскировало мои горькія слезы. Старички вмѣнили мнѣ его дѣйствіе въ обиду, такъ какъ при оваціи никакихъ смазей не полагалось по законамъ, и слезы мои такъ именно объяснили себѣ. На моего обидчика устремились ревнители обычаевъ, а другіе, обступивъ меня, дѣлали мнѣ лукавое предложеніе: „иди пожалуйся“! Я повѣрилъ имъ на слово и пошелъ отыскивать моего Безпалаго; меня довели до 4-го класса, но ни сами не посмѣли вступить туда, не меня втолкнувъ, а вызвали чрезъ кого-то. Безпалый неохотно выслушалъ меня, но, когда коварные свидѣтели подтвердили мою жалобу, онъ съ видимымъ насиліемъ себѣ, какъ моему патрону, пошелъ во 2-й классъ. Тамъ шло уже столпотвореніе вавилонское изъ-за моего дѣла. При входѣ Безпалаго, почти всѣ успокоились и многіе сѣли даже на мѣста. Когда же свидѣтели мои выдали моего обидчика, спрятавшагося за партою, то Безпалый что то сказалъ ему и тутъ же отодралъ его за уши. Безпалый ушелъ, и я почувствовалъ, что нехорошо сдѣлалъ. Старички напали на моихъ свидѣтелей, тоже старичковъ, зачѣмъ они повели меня жаловаться, тогда какъ это дѣло подлежало самосуду класса. Меня, какъ непосвященнаго еще въ обычаи класса, игнорировали; тѣмъ не менѣе изъ криковъ негодованія относительно жалобы я понималъ, что провинился, и крайне удивлялся, что меня не бьютъ. А дѣло объяснялось чрезвычайностью событія, кото-

рое прямо не укладывалось въ рамки бурсацкаго кодекса, такъ что составляло спорный вопросъ. Мои защитники приводили тѣ доводы, что принципъ класса нарушенъ обидчикомъ, слѣдовательно можно жаловаться; а противники ихъ утверждали, что они подбили и руководили моею жалобою ярыжнически, т. е. не по принципу, теперъ бы сказали—для скандала, тогда какъ обидчика слѣдовало бы „отдуть“ по своему. Уже нѣкоторые стали показывать мнѣ и кулаки: „а, ты жаловаться“! Быть, что будетъ! думаю я себѣ; все равно, папенька и маменька отдали меня въ эту проклятую бурсу! Сердце сжалось во мнѣ; я какъ будто окаменѣлъ; чувствую надъ собою рокъ бурсы и готовъ покориться ему уже безъ слезъ: состояніе, къ которому и долженъ придти каждый бурсакъ послѣ того, какъ провели его по первымъ мытарствамъ! Я могъ бы совсѣмъ упасть духомъ, но судьба послала мнѣ благодѣтеля въ лицѣ старичка Павла Шермеревича, который подсѣлъ ко мнѣ и сталъ допрашивать, кто я и откуда. Оказалось, что мы ближайшіе съ нимъ земляки. Онъ сирота, но его братъ въ Бѣлицѣ попомъ, котораго я знаю, а онъ знаетъ и видалъ моего папеньку. Павелъ Шермеревичъ былъ немного побольше меня, худенькій, бѣленькій, съ продолговатымъ носикомъ, съ глазами сѣрыми, пріятными, болѣе задумчивыми, не глупыми, какъ будто не долгій жплецъ на свѣтѣ, но съ вѣсомъ и положеніемъ въ классѣ. Онъ мнѣ сразу понравился, такъ что я почувствовалъ къ нему первую бурсацкую дружбу, но послѣ этой дружбѣ нѣсколько мѣшала его лукавника въ лицѣ и поступкахъ. Поговоривъ со мною и отогнавъ задиравшихъ меня, онъ первый показалъ мнѣ классныя розги и какъ онъ умѣетъ ими „минать“, т. е. сѣчь ими со свистомъ, не дотрогиваясь до пола или тѣла лежащаго подъ ними ученика. Видъ этихъ розгъ привелъ меня въ ужасъ. Онѣ были въ мой ростъ: состояли изъ нѣсколькихъ десятковъ березовыхъ тоненькихъ отрѣзковъ, искусно переплетенныхъ, завитыхъ и связанныхъ въ разныхъ мѣстахъ тоненькимъ березовымъ же отросточкомъ, а къ концу, четверти въ полторы, выдававшихся острыми иглами, которыя и должны были расписывать бурсацкое тѣло; онѣ такія свѣжія, съ запахомъ березы, но ужасныя, извивающіяся въ ви-

дѣ змѣи, толщиною въ кисть руки годовалаго младенца, такъ и шипятъ и свистятъ по всему классу, когда махнуть ими! Шермеревичъ хотѣлъ тогда же выучить меня владѣть ими, чтобъ умѣть „минать“, если заставитъ учитель сѣчь кого-нибудь, и я видѣлъ, какъ многіе принялись уже учиться „ляскать“ ими на срединѣ класса и за партою, а самъ только подержалъ ихъ въ рукахъ и тихонько понюхалъ, какъ онѣ пахнутъ, а учиться не сталъ, потому что онѣ нагнали на меня большую робость. Мое воображеніе мрачно настроилось; думаю: пропалъ же я теперь совсѣмъ! Хорошо, если минать будутъ, а если нѣтъ: засѣкутъ, закатаютъ! Вотъ и еще одно изъ самыхъ убѣдительныхъ побужденій строго держаться бурсацкой общины, товарищества, его обычаевъ законовъ! Не помню, приходили ли въ тотъ день учитель, или только собрали насъ для порядка, внюхаться въ классъ, весь пропахшійся березовою атмосферою; но я возвратился уже на квартиру такимъ мрачнымъ, унылымъ. Все кончено: я бурсакъ, хотя не казенникъ, такъ квартирный! Разница бытовая, но не существенная: тоже начальство, страшное и неумолимое; тотъ же духъ бурсацкій, столь противоположный домашнему, семейному духу; тѣ же розги, изсѣкаемыя, но не перестающія сѣчь, потому что за ученическою слободкою сейчасъ же березнякъ, котораго хватить на многія поколѣнія! Послѣ обѣда я полѣзъ на коровникъ, чтобъ взглянуть въ ту сторону, изъ которой такъ безжалостно доставили меня въ эту бурсу. Какъ тамъ свѣтло и облачка какія отрадныя спѣшати туда! О, если бъ они подняли меня и унесли туда! Хоть бы птичкою стать, — полетѣлъ бы туда посмотреть, подышать на своемъ дворѣ, повидѣться съ своими милыми, да хоть бы и опять уже прилетѣлъ сюда, когда такъ, видно, надо! Лучше бъ мнѣ Терегоною быть въ Шатрицахъ, чѣмъ учиться въ бурсѣ на попа... Кто-то засталъ меня за этой эдеіей и позвалъ играть „въ чехарду“.

Бурса въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

(Изъ автобіографіи Г. М. Пясецкаго, бывшаго преподавателя Орловской духовной Семинаріи).

Игра въ чехарду и другія забавы.

На зовъ играть въ чехарду, я пошелъ и видѣлъ, какъ играли въ чехарду (не вѣрнѣе ли—въ чихарду? пот. что при этой игрѣ приходится чихать!), а самъ пока отговорился неумѣньемъ. Страшно играть въ чехарду съ большими, да и съ небольшими небезопасно, хотя п забавно. Станутъ длинною вереницею, согнувшись въ полроста, а головы попрячутъ, кто межъ ногъ другого, высшаго себя, акто присловить только ее къ бедру другаго; тогда одинъ изъ ряда вонъ, разбѣжится и прыгаетъ такъ, чтобъ сѣсть на спинѣ послѣдняго отъ хвоста вереницы, отъ чего тотъ или падаетъ совсѣмъ подъ наскочившею на него тяжестію, или крѣпится, какъ требуетъ того честь игры, но потомъ нерѣдко чихаетъ и откашливается, если сѣдокъ его дюжій, да еще нахаль. Иногда при чиханіи и откашливаніи показывается и кровь; надъ такимъ смѣются, но не отталкиваютъ, если онъ, подъ вліяніемъ смѣха, хочетъ продолжать игру, а чтобы пожалѣть—это не въ обычаѣ бурсы. Да и кашель съ кровью въ бурсѣ ни почему; только „подтрунять“ (осмѣютъ), что скоро тебѣ ложиться видно „въ домовину“ (во гробъ)! Бурса должна быть равнодушна и безучастна къ явленіямъ другихъ міровъ; она должна знать только одну себя. Съ четвертокласниками играть въ чехарду, хотя и въ честь вмѣняется, но мало интереса: они не наблюдаютъ очереди въ стоянкѣ, а любятъ только прыгать на другихъ.

Чехарда эта разстроилась тѣмъ, что одному зубы выбили, и онъ побѣждалъ жаловаться на большихъ хозяйкѣ. Жалоба хозяйкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволялась бурсацкимъ статутомъ, точнѣе же—терпѣлась; не знаю только терпѣлась ли жалоба за выбитіе зуба? Но, кажется, терпѣлась, потому что за это не прочь были взыскивать съ хозяйки родители потерпѣвшаго. Вообще же роль и хозяйекъ была очень трудная. Онѣ стояли между квартирантами, родителями и начальствомъ. Не взлюбятъ хозяйки квартиранты—бѣда ей: издѣваются надъ нею, обижаютъ младшихъ членовъ ея семьи, методически обворовываютъ, бьютъ окна въ квартирѣ, портятъ мебель, рѣжутъ скатерть за обѣдомъ, похваляются „запалить“ (поджечь) дворъ, „охвиваютъ“ (осуждаютъ) предъ родителями и стараются не только сойти съ этой квартиры, но и отбить у ней квартирантовъ въ будущемъ. Хозяйка должна и знать всѣ проказы своихъ квартирантовъ, и таить ихъ предъ родителями, и всячески защищать предъ начальствомъ. Узнаютъ родители что либо худого о ея квартирантахъ, она удивляется рассказамъ о нихъ, какъ будто сама не знала, общается присмотрѣть, наблюдать за обидчиками и шалунами, а пока не вынуждена къ тому, хвалить своихъ квартирантовъ, называетъ скромными, прилежными къ ученію, примѣрными. Хозяйка не менѣе учениковъ подозрительна и къ тому, кто выноситъ соръ изъ ея квартиры предъ родителями, не любитъ такого, меньшій кусокъ сала рѣжетъ ему на завтракъ, особенно же не переливаетъ въ тарелку стакана молока. Это измѣнникъ общихъ интересовъ бурсы, въ которыхъ она сама участвуетъ, и если не открываетъ такого предъ общиною, то боясь „охулки“ предъ родителями. Предъ начальствомъ же она просто распинается за своихъ „честныхъ квартирантовъ“, а когда это уже не дѣйствуетъ почему либо, обыкновенно въ виду болѣе или менѣе явныхъ уликъ, то спѣшитъ потушить пожаръ поднесеніемъ инспектору фунта чаю, головы сахару, а субинспектору связки бубликовъ и т. п. Хозяйка, не скупящаяся на тушеніе такихъ пожаровъ, по понятіямъ бурсы, „примѣрная“. Такую хозяйку иногда сами квартиранты предупреждаютъ объ учиненномъ ими преступленіи, если подозрѣваютъ почему либо, что ихъ дебашь

можетъ сдѣлаться извѣстнымъ инспекціи, и напередъ вручаютъ ей потребную сумму денегъ на случай тушенія пожара. Тутъ она дѣйствуетъ уже какъ мать, зная, что самыя низкія преступленія неразлучны съ званіемъ возмужалаго-бурсака, но что его надо всячески защищать. Какъ-то все въ быту бурсы пахло единымъ духомъ. Само начальство подчинялось великому ея единству. Напримѣръ, если оно соглашалось на тушеніе пожара мирными средствами, то почему-то должно было утаивать проступки той квартиры предъ родителями квартирантовъ. Слово хозяйки: „принялъ“! было для квартирантовъ радостнымъ доказательствомъ того, что гроза инспекторская прошла. Это нѣкоторые приурочивали къ фразѣ, напечатанной въ именахъ прилагательныхъ грамматики Греча: „Пожаръ потушенъ,—деньги взяты“, которую не потому ли самому я такъ и затвердилъ себѣ доселѣ. Вообще это фраза представлялась мнѣ тогда какимъ-то пророчествомъ, почерпнутымъ будто изъ кодекса бурсы, на подобіе Сивилинныхъ книгъ, которыхъ въ полномъ составѣ не читаль никакой смертный, да и не могъ читать по извѣстной причинѣ: знала ихъ одна Сиввила, какъ и свой кодексъ одна бурса. Сивилла сожгла большую часть своихъ книгъ, потому что ихъ не умѣлъ оцѣнить грубый еще тогда Римъ; а бурса, какова она была, останется навсегда запечатанною книгою, потому что никто не можетъ читать о ней на письмѣ, а тѣмъ болѣе въ печати. Всѣ писавшіе и печатавшіе о ней брали только кое-что изъ ея омота, а самая „гуща“ ея, „бачно“ на днѣ бурсы, до котораго не посмѣетъ коснуться ничья рука: и изнести это „бачно“ изъ глубины бурсацкаго омота не возможно, да оно и подѣ традиціоннымъ заклятіемъ: „ключъ въ воду, языкъ на замокъ“! Но я долженъ возвратиться къ постепенному своему посвященію въ бурсаки.

Отъ чехарды меня позвали смотрѣть дива, еще не виданнаго мною. „Что дашь? спрашиваетъ меня Θεодоръ Масюта (собственно Масютинъ); я продѣну вотъ эту иголку (показываетъ мнѣ) сквозь щеку свою такъ, что кровь не пойдетъ“? Я не вѣрю, но всѣ окружающіе меня увѣряютъ, что „продѣнетъ со всею ниткою и выдѣнетъ назадъ; давай гривну“! Какъ быть, у меня и денегъ уже мало, но на такое

диво какъ не посмотрѣть, и другіе подзываютъ: „ну, скряга, не скупись“! Послѣ такого прозвища, хотя и случайно приложеннаго, опасно было уже не послушаться. Что же? Претолстую иголку, какую только я видѣлъ у мужиковъ, съ замашною ниткою, „вдѣлъ и выдѣлъ“ безъ кровинки на щекѣ! Мнѣ хотѣлось лучше присмотрѣться, не обманъ ли какой? И за это Масюта взялъ съ меня копѣйку, а потомъ, чтобъ похвалиться и не оставить ни въ комъ изъ свидѣтелей сомнѣніе, онъ началъ уже передергивать даромъ: и ни одной кровинки! Онъ тутъ же предлагалъ выучить этому дѣлу и меня, но требовалъ что-то много, а мнѣ хотъ и хотѣлось, да страшно казалось. Послѣ же мнѣ даромъ передали этотъ секретъ: все дѣло, будто бы, состояло въ томъ, чтобы три раза проговорить, не переводя дыханіе: „ѣхалъ старый мужикъ по морю, подъ нимъ конь каръ, а ты кровь на капъ; ключъ въ воду, языкъ на замокъ“! и затѣмъ немедленно продергивать иглу,—кровь не пойдетъ. У тѣхъ, которые часто продѣлывали это, щеки всѣ были исколоты, съ иголочными знаками. Кто-то послѣ сильно приставалъ ко мнѣ: „дай, я самъ тебѣ продерну, коли ты боишься“! Я и наставилъ уже было щеку, чтобы тотъ не обидѣлся, но все-таки воздержался; а такъ какъ это былъ одинъ изъ близкихъ пріятелей, то онъ, въ моихъ глазахъ, согналъ свою охоту на себѣ.

„Пришли блины“, т. е. насталъ блинный день. Такихъ дней на моей квартирѣ, какъ одной изъ самыхъ „лучшихъ“, было 3 въ недѣлю: вторникъ, четвергъ и суббота, а потомъ почему-то только два: вторникъ или четвергъ и суббота. Въ средней руки квартирахъ бывали по два раза блины въ недѣлю, а въ бѣдныхъ по субботамъ только. Въ скоромный день блины давались съ саломъ, а въ постные съ коноплянымъ масломъ. Частое печенье давали бурсацкіе блины до неподражаемаго совершенства. Такихъ блиновъ, какъ у Никитихи, я не ѣлъ нигдѣ во всю мою жизнь, хотя они пеклись изъ обыкновенной гречневой муки и на видъ были не бѣлы, не мягки, поджаристы, легки, такъ что, не смотря на значительный ихъ объемъ, нѣкоторые ученики разомъ убирали въ ротъ цѣлый блинъ, за что, обыкновенно, хозяйка бранилась, чтобъ не подавились, да они хотя и не давились, но только почему-то долго жевали, такъ что и

руками пробывали перевертывать во рту, видать, чтобы таки не подавиться. На этотъ разъ насъ разбудила хозяйка весьма рано, далеко до свѣта, потому что, какъ объявила она, блины уже „подошли“, чтобъ „не укисли“. При словѣ: „блины“! всѣ вскочили съ своихъ кроватей и, кажется, не всѣ дже умылись. Пошли въ хозяйкину хату; тамъ былъ уже сильный блинный запахъ; въ печи пылало пламя; на столѣ разставлены были тарелки безъ ножей и вилокъ. Когда мы усѣлись, хозяйка поставила два огромныхъ столба блиновъ, уже намазанныхъ ею свинымъ саломъ посредствомъ „квачика“, сдѣланнаго изъ тряпочки съ деревянною ручкою. Каждый взялъ руками своими по блину изъ того столба, какой къ нему поближе; тутъ уже былъ свой порядокъ. Столбъ на половину уменьшился во мгновеніе ока. Когда же хозяйка отвернулась къ печкѣ, Лободавскій „сгробасталъ“ разомъ два блина и куда-то скрылъ ихъ у себя; на другомъ столбѣ сдѣлалъ тоже Тропкій; онъ спряталъ „за пазуху“. Сколько разъ накладывались столбы, столько же разъ было и похищеній, въ скромныхъ размѣрахъ, что было не примѣтно хозяйкѣ. Какъ я послѣ узналъ, хозяйка хорошо знала эти обычаи и потому старалась дозирать, но она смотрѣла въ два глаза, а за нею наблюдали въ десятки глазъ. Правда, хозяйкѣ въ смотрѣніи за воришками помогала и Домна, стоявшая у печи съ „чаполью“; но все же онѣ должны были двоиться между столомъ и печью, чтобъ и тамъ не утащили, и здѣсь не подгорѣли, потому что если подгорять блины, квартиранты забунтуютъ, выйдутъ изъ-за стола, откажутся отъ самихъ блиновъ: срамъ хозяйкѣ между сосѣдними на всю слободку! А Лободавскій не прочь былъ бунтовать, потому что зналъ, отъ чего иногда подгорали блины: отъ хозяйкинаго недосмотра за блинами и досмотра за нимъ. Разъ же вышелъ такой скандалъ. Когда хозяйка поставила свой столбъ и отвернулась, Масюта (не Николай, всегда скромный, а Федька) зацѣпилъ половину столба и опустилъ всю эту намавленную кладъ въ свой секретный магазинъ, сфабрикованный имъ еще наканунѣ блиновъ изъ подкладки своего полъта съ пришивкою къ ней по тремъ сторонамъ большой „анучки“, въ которую обертываютъ ноги. При этомъ Лавренъ, младшій сынъ хо-

зайки, лѣтъ шести или семи мальчикъ, которому мать приказала наблюдать съ печки, крикнулъ: „Масюта потащилъ“! Хозяйка къ столу; видитъ, только половина столба и никто еще не успѣлъ взять по блину! Тутъ что то такое произошло, чего я теперь ясно не припомню. Хозяйка хотѣла „трусить“ Масюту, но молчаливый Цитовичъ или болѣе всѣхъ уважаемый хозяйкою Романовскій, не помню хорошо, кто-то вступился за Масюту: „коли его трусить, такъ и всѣхъ насъ! а если не найдешь“? Хозяйка представляла свои резоны, что ей не покормить всѣхъ, если будутъ по полу-столба хватать въ карманы, тѣ свои резоны, что „не надо намъ и твоихъ блиновъ, пойдѣмъ, не ѣвши“! Хозяйка успѣла таки добратся, какъ бы въ свое оправданіе, до полы Масюты, но не вытрусил (не отобрала) блиновъ единственно въ избѣжаніе срама (скандала) предъ сосѣдками. Срамъ этотъ поддерживался съ тяжелою ревностью сосѣдокъ изъ-за самихъ-же квартирантовъ: у одной все поповичи да дьяконовичи, а у другой дьяковичи да понамаровичи. Гдѣ первые, тамъ и доходнѣе и квартира въ почетѣ, а гдѣ вторые, тамъ прибыли меньше и честь не та хозяйкѣ. Какъ будто успѣлись тогда опять за блины, но четвертоклассники, которымъ по преимуществу принадлежало право прятать блины и по пазухамъ и по карманамъ, кому куда гоже, нѣсколько дней „приндили“ (обижались) на хозяйку. Масютѣ такъ досталось отъ старшихъ, по пословицѣ: „не суйся прежде батьки въ пекло“, да и соваться надо умѣючи, а не такъ, какъ опъ. Но мнѣ все-таки дивно было, почему они изъ-за Масюты даже „кричали на хозяйку“. Оказывается, тутъ былъ великій принципъ бурсы: „свой своего ни предъ кѣмъ не выдавай“! Не постижима эта бурса! На Масютѣ, какъ и на всякомъ второклассникѣ, четвертоклассники ѣздятъ, какъ на послѣдней лошади, а при случаѣ онъ имъ свой, и они обязаны вступить за него даже при лютой его „шкодѣ“ (воровствѣ)... Нѣтъ, той бурсы, которою я дышалъ, никто еще не понималъ, да и не пойметъ, потому что скоро и послѣдніе ея представители исчезнутъ съ лица земли! Время все уноситъ, унесетъ и изгладитъ изъ памяти людей и то, что такое была бурса сороковыхъ годовъ.

Вечеръ, уже темно. Вдругъ кто-то, Лободавскій или

Троцкій, посылаетъ меня въ городъ (отъ слободки съ версту будетъ) купить ему махорки или нюхательнаго табаку на 2 к. Мы, второклассники, обыкновенно служили четвертоклассникамъ,—и воду носили, и умываться подавали, и сапоги обтирали, а у кого они были подъ ваксу, чистили, если и пальцы прикажетъ иной перебирать,—перебирали, но чтобы бѣгать въ городъ за табакомъ было тоже нашимъ послушаніемъ, этого я еще не сознавалъ; впрочемъ грѣшу, долженъ былъ сознавать на томъ общемъ основаніи, что воля четвертоклассника—законъ для меньшаго, а ужъ очень боялся въ такое время идти въ городъ. Я издѣтства скорѣе принадлежалъ къ трусамъ, чѣмъ къ храбрымъ. Воображеніе мое еще дома напугано было разными привидѣніями, разсказами о вѣдьмахъ, изъ которыхъ одна побывала и у насъ подъ окнами кухни, и къ Бруту покойному лѣзла, и Якову въ колокольнѣ запускала въ ротъ соленья свои пальцы, а тутъ нужно было непременно проходить мимо монастырской брамы пустымъ переулкомъ! Всякая пустота страшна сама по себѣ и днемъ, ночью вдвойнѣ, тройнѣ, а подлѣ брамы особенно: тутъ, по разсказамъ тѣхъ же бурсаковъ, которые довершили своими предразсудками и суевѣріемъ разстройство моего воображенія, водилась еще всякая нечистая сила. Почему она водилась особенно у монастырскихъ воротъ, я принялъ тогда на вѣру и не позаботился узнать отъ бурсы, но, вѣроятно, бурса думала такъ или потому, что сама натыкалась тамъ на нечистую силу, или кто-либо внушилъ ей такія мысли изъ самихъ монаховъ. Дѣйствительно, тамъ брала всякого какая-то оторопь. Мнѣ послѣ приходилось возвращаться изъ города одному, когда только солнце садилось, а у меня подлѣ брамы, если никого тамъ не было, душа уходила уже въ пятки, и волосы готовы были встать на головѣ дыбомъ. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ я высматривалъ кого-либо, или поджидалъ себѣ попутчика, и потомъ уже, будто зазѣвавшись на что-то (чтобы не стыдно было!), присоединялся спутникомъ. Такъ вотъ, извольте видѣть, ради „понюшки“ табаку, когда уже смерклось, проходить чрезъ такое опасное мѣсто! Но тутъ еще не все. Далѣе за брамою шелъ по правую сторону ровъ, изъ котораго не только нечистая сила могла напугать вся-

каго, но и босяки ограбить, а по лѣвую—еще страшнѣе—монастырское Троицкое кладбище! Кладбища я всегда боялся; тамъ, сказывалъ мнѣ еще Яковъ мой, по ночамъ встають и гоняются мертвецы, чтобъ утащить къ себѣ въ могилу. У Шетринскаго кладбища за однимъ мужикомъ, возвращавшимся ночью съ Янполя или Бѣлицы, погнался было мертвецъ, такъ онъ успѣлъ только ухватиться за свой животъ, а у двора сняли его съ телѣги уже мертвымъ. И самъ же Троцкій задавалъ намъ, новичкамъ, вопросъ: гдѣ страшнѣе переночевать—въ церкви или на кладбищѣ? Этотъ вопросъ насъ сильно занялъ тогда. Кто что говорилъ. Я, помнится, держался того мнѣнія, что на кладбищѣ страшнѣе, хотя Яковъ, сторожившій церковь и постоянно спавшій въ колокольнѣ, говорилъ, что хотя бы его зарѣзали, а въ церкви онъ не согласился бы переночевать. А на монастырскомъ кладбищѣ и церковь была, и отъ нея проходитъ слѣдовало лишь въ нѣсколькихъ саженьяхъ! Въ заключеніе, противъ кладбища, за рвомъ, стоялъ домъ богатаго пана Судденка, окруженный гротомъ, почти не жилой, по рассказамъ съ привидѣніями, и тутъ же прелюдная квартира „костогрызовъ“. Такъ собственно назывались у бурсы гимназисты, но бурса мало отличала уѣздное училище отъ гимназіи, почему и свѣтскіе уѣздники шли у ней за одно съ гимназистами. Вотъ эти-то костогрызы, какъ я теперь сужу, были страшнѣе для бурсака всякой нечистой силы. Между ними и бурсою непримиримая вражда, постоянныя „приступкиванія“, т. е. подстереженія, съ цѣлію напасть и избить. У бурсы расправа—кулакъ въ подреберье и смазъ высшаго сорта; а у костогрыза—тумаки, отрѣзываніе пуговицъ и проведеніе за носъ до рта. Здѣсь, хоть нѣсколько не по времени, уместно припомнить слѣдующій случай, по рассказамъ самого героя, которому, кажется, всѣ довѣряли. Героємъ этимъ былъ мой товарищъ—впослѣдствіи Стефанъ Бѣлоузовичъ; онъ былъ извѣстный лунатикъ и вмѣстѣ силачъ перваго разбора, но съ виду не выдававшій себя за того, чѣмъ онъ былъ. Ему пришлось позднимъ вечеромъ возвращаться отъ Никитки (т. е. Никиты Пиневича), прославленнаго силача и перваго бойца въ генеральскихъ схваткахъ съ костогрызами. Самая резиденція его, какъ вызывающій форпостъ, сто-

яла на горѣ противъ другой горы, занятой гимназистами; межъ горами глубокой, ничѣмъ незанятый ровъ, мѣсто ближайшей сшибки. Степка просилъ Никитку „проводить его отъ костогрызовъ“—уѣзтниковъ. Никиткѣ стоило только показаться на улицѣ, чтобы костогрызы, сколько бы ихъ не высыпало у воротъ, всѣ попрятались, какъ крысы въ норы; но онъ посмѣялся Степкѣ и не вышелъ за калитку: зналъ, кого отпускаетъ онъ отъ себя, хотя и въ недобрый часъ! Костогрызы подстерегли Степку, сразу, подобно саранчѣ, обсыпали его, чтобъ свалить и отрѣзать какіе есть у него пуговицы, да и тумачами угостить лежачаго, если уже нельзя такого большого парня проводить за носъ. Силачъ долженъ быть безъ страха, а потому и рассказъ Степки довольно вѣроятенъ: „онъ испугался такъ, что сталъ призывать имя Никитки“. Въ страхѣ его что-то надоумило: вмѣсто палки или дубины обороняться маленькимъ костогрызикомъ! Не долго думая, поймалъ онъ тогда за ноги и началъ отмахиваться; не успѣлъ махнуть имъ разъ-два, какъ всѣ костогрызы, числомъ человѣкъ двадцать, въ рассыпную! Боялись ли они зашибиться сами, или пощадили того костогрызника своего, чтобъ онъ не пришелся головою о столбикъ или заборъ,—это ихъ тайна. Видя, что всѣ разбѣжались, Степка не разставался съ своею импровизованною дубинкою, пока зашелъ за ровъ, а тамъ забросилъ уже ее съ видимою пощадою, какъ своего случайнаго избавителя. После этого и Степка попалъ въ „прославленные“. Даже между нѣкоторыми поднимался вопросъ, кто бы кого осилѣлъ, если бы Степка помѣрялся съ Никиткою. Одни предпочитали кулакъ Никитки, другіе надточали силу Степки луна-тизмомъ. Такъ вотъ какіе страхи я долженъ проходить изъ за „повюшки“ Троцкаго! Я взмолился; но тутъ предсталъ великій принципъ бурсы: безусловное повиновеніе четверто-класснику! Помню, мнѣ все это пока терпѣливо внушали, доказывали, а потомъ чѣмъ-то такимъ грозили ужаснымъ, что я сталъ въ тупикъ, въ родѣ задумали огласить „потайнымъ собакою“. Оно было такъ и по бурсацкой логикѣ: не слушаться старшаго, презирать силу бурсы,—значить вѣришь въ начальство, думаешь въ немъ видѣть свою опору. Не знаю, до чего бы тутъ дошло, еслибъ не при-

нялъ во мнѣ участія Оедька Масютинъ. „Что дашь? я за тебя схожу“! Отъ радости я только посмотрѣлъ, будетъ ли это мнѣ позволено отъ Троцкаго; а когда тотъ позволилъ, то я уже и не торговался,—такъ я былъ радъ! Послѣ меня посылали уже и за пачкою „Папа-Кріола-Никола“, и за водою къ жиду, и за коробочкою спичекъ, и за всякою мелочью, потому что не смѣлъ ослушиваться, а когда было поздно, то смѣло обращался къ Масютѣ. По уставу бурсы важно было то, чтобы исполнено было приказаніе, а какимъ способомъ,—благородному бурсаку до того не было дѣла. Бывали „насильники“, но такихъ унимало общественное мнѣніе. Кто освоится съ уставами бурсы, тотъ (лишь бы не ошибся!) можетъ даже принести жалобу четвертокласникамъ и на самого четвертокласника, котораго тутъ же щелкаютъ по носу (меньшая мѣра взысканія, прилагаемая къ мальчуганамъ); а если пронесетъ (уставы бурсы не писанные, какъ и древнихъ Друидовъ), тогда всѣ дадутъ жалующемуся по надлежащему щелчку, да еще погрозятъ, что въ немъ сидитъ не бурсацкій, потайной духъ! Сохрани Богъ дразнить бурсу какою-бы то ни было жалобою!

Бурса въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

(Изъ автобіографіи Г. М. Пясецкаго, бывшаго преподавателя Орловской духовной Семинаріи).

Бурсаки „корпусники“ и „квартирники“.

Скоро посвятился я и въ тайны „закадычной“, т. е. настоящей, самой строгой, образцовой бурсы, какую представляли изъ себя „корпусники“. Духъ квартирной и корпусной бурсы одинъ и тотъ же, но съ такими отбѣнками которые уловить нелегко, а кратко охарактеризовать едва ли и возможно. Думается мнѣ, что эту трудную задачу могъ бы выполнить вполне только одинъ человѣкъ на свѣтѣ,—Н. В. Гоголь, но и то въ томъ развѣ случаѣ, если бы

онъ самъ былъ бурсакомъ, да еще квартирнымъ и корпуснымъ вмѣстѣ. Съ своей-же стороны, пока еще память не вполне измѣнила, попытаюсь представить здѣсь только нѣкоторые отбѣнки этихъ типовъ, какъ и насколько отпечатались они въ моемъ бурсацкомъ сознаніи. Прежде всего, корпусная бурса, меньшая числомъ, но сильная единствомъ являлась законодательницею и авторитетомъ для квартирной бурсы. Она была самою вѣрною представительницею общаго бурсацкаго духа, кодексомъ всѣхъ бурсацкихъ обычаевъ, хранительницею исконныхъ преданій, очагомъ всѣхъ бурсацкихъ добродѣтелей и пороковъ. Квартирная бурса послѣ каждаго вакаціи шла къ ней на поклонъ, какъ къ старшей своей сестрѣ, и несла ей дары отъ домашней своей благодати: сало, колбасы, булки и всякую галду. Ужъ не отъ того ли, въ самомъ дѣлѣ, и всякое угощеніе называлось галдою,—если только это слово не иностраннаго происхожденія,—что корпусная бурса галдила, назойничала предъ квартирною до тѣхъ поръ, пока не получала себѣ должнаго, традиціоннаго возмездія за свою бѣдность? Въ квартирахъ блины—и корпусная бурса въ большой или меньшей мѣрѣ, будетъ насыщена ими посредствомъ извѣстныхъ уже намъ хищеній за хозяйскимъ столомъ. Блины на квартирахъ бывають очень рано, и корпусная бурса встаетъ въ эти дни раньше въ ожиданіи утѣшенія. Лишь бы монастырская брыма была отперта, а то уже несется въ корпусъ похищенная дань! Кто раньше доставилъ, тотъ уже не возвращается на квартиру, чтобы опять заснуть, какъ дѣлали другіе, обременявшіе себя блинами, и остается играть въ темныхъ корридорахъ и по классамъ въ вовкулаки. Эта игра бывала осенью и зимою. Ученикъ надѣнетъ на себя шубу на выворотъ, „нутромъ“ наружу, спрячется у лѣстницы или гдѣ либо притаится въ углу, да и нападаетъ на вновь приходящаго, будто вовкулакъ, и начинаетъ топтать и душить его. Хотя каждый могъ бы догадаться, что это не настоящій вовкулакъ, но всякому было страшно, потому что вездѣ было совершенно темно, а новичковъ иногда отливали водою отъ такого страха. Вовкулачество во владѣніяхъ корпусной бурсы являлось какъ бы данью квартирнымъ за приносъ блиновъ. А если играли безъ при-

воса, то какой-нибудь закадычный изъ силачей выгонять всякую дробь (первоклассниковъ, второклассниковъ и третьеклассниковъ) на морозъ и давалъ ей при этомъ „въ сердцахъ“ всякую смазь. Четвертоклассники, обыкновенно отдыхавшіе послѣ блиновъ, приносили свое даяніе уже позже и прямо въ номеръ, тогда какъ дробь рѣдко смѣла входить туда, а стучала и вызывала, кого ей было надо. Я раза два выпрашивалъ блины у хозяйки, чтобы доставить ихъ своему Кучеровскому, по его настоянію, и приходилъ въ номеръ къ нему потому только, что хотя онъ былъ и третьеклассникъ, за то изъ примусовъ, которымъ, какъ прямымъ кандидатамъ на старшинство, отдавалось нѣкоторое предпочтеніе предъ сверстниками. Въ вовкулачествѣ же не принималъ участія, хотя и меня принимались пугать на разсвѣтъ. Вовкулачество не обходилось даромъ. Иной вовкулакъ наскочить на такого, что тотъ не ограничится уже смазью, но и шубу его распорить по жиламъ. Тогда надо находить скорѣе портного между закадычными, а останется съ распоронною шубою,—учитель отгадываетъ вовкулака по виду его шубы и выпоретъ самого. Закадычные же портные брали за это и деньгами, и обѣщаніемъ отселѣ носить имъ блины. Блины носили и по обычаю, и по близкому землячеству, и по дружбѣ, и по многимъ ученымъ преимуществамъ корпусной бursы, которая обыкновенно покровительствовала и менторствовала квартирной.

Закадычная бурса вмѣшивалась въ дѣла, ссоры и тяжбы квартирной, разбирала, мирила и санкционировала быть ея. Ей удобно было царить надъ квартирною, всегда до нѣкоторой степени разрозненною и часто волновавшеюся, распадавшееся даже на противные лагеря. Къ какому лагерю примкнетъ старшая сестра, тамъ и побѣдное торжество. Потому противные стороны съ квартиръ шли волею и неволею на судъ «закадычный». Въ закадычной тоже были распри, но, единичныя, между старшими лишь номерными. Повздорятъ старшіе изъ-за латинскаго или греческаго „русано“ (русника), изъ-за какихъ-либо „словъ“ (вокабулъ), изъ-за единственной на всю закадычную и квартирную бурсу географической карты; тогда ихъ подчиненные сопомеранты въ антагонизмъ между собою, такъ что и въ номеръ

изъ номера показаться бываетъ весьма опасно. А сойдутся и поладятъ эти самые старшіе, такъ и все братство возстановляется. Но всѣ три низшіе номера дробь въ цѣломъ, а цѣлое 4-й №, въ которомъ обитаютъ четвертокласники: вотъ гдѣ вся тяга, сила, авторитетъ и законодательство! Сюда-то, какъ на Сіонъ какой, и устремлены взоры всѣхъ прозелитовъ, пришельцевъ правды „вратъ“! Будучи второкласникомъ я разъ только и проникалъ туда съ Безпальнымъ, по какому-то его дѣлу. О, какіе тамъ всѣ были важные, большіе и, конечно, ученые! Здѣсь же, кажется, жилъ и Макаревскій, который, хотя съ виду уступалъ богатырямъ, одною рукою поднималъ съ полу за кольцо казенную кочергу, чуть не съ полпуда вѣсомъ. Многіе изъ записныхъ квартирныхъ богатырей пытались дойти до состязанія съ нимъ въ этомъ дивномъ богатырствѣ и долго упражнялись сперва на своихъ хозяйскихъ кочергахъ, но когда уже доходило дѣло до роковой казенной кочерги, всегда проигрывали свой закладъ Макаревскому. Онъ былъ поэтому изъ первыхъ богачей казенниковъ: впрочемъ сказывали еще, что у него и какой то братъ есть, чуть ли не Ректоръ Семинаріи, который скоро будетъ даже Архіереемъ; его, кажется, и взяли таки въ Смоленскъ. И я не разъ пробовалъ поднимать такъ свою квартирскую кочергу, потому что поднималъ же ее не только Лобадовскій какойнибудь, а и товарищъ мой Масюта, но у меня и въ четвертомъ классѣ не доставало на то, какъ говорили, ловкости, а Масюта мало ли что могъ творить; о немъ рѣчь особая! Послѣ, сказывали, какой то казенный, упражнясь денно и ночью, выигралъ таки на знаменитой кочергѣ закладъ у Макаревскаго, за то будто „уворвался“. Но какъ ни высоко стоялъ на глазахъ у всѣхъ тотъ Сіонъ, онъ все же былъ тогда безъ своей головы, или звѣзды, или генія, почему и не въ полномъ сіяніи своего блеска: ему не удалось въ тотъ курсъ выставить изъ себя примуса изъ примусовъ!

Громановскій, составлявшій собою звѣзду бурсы, похитилъ собою у того Сіона такъ много блеска, что многіе полагали даже, не передвинулась ли уже и самая его скинія изъ закадычнаго мѣста на квартиру Громановскаго, мимо которой и я проходилъ всякій разъ съ какимъ-то особымъ

страхомъ и трепетомъ. Впрочемъ такъ разсуждали только совопросники, либералы изъ квартирныхъ, обыкновенно радовавшіеся хоть чѣмъ нибудь поспорить съ Сіономъ; самъ же Сіонъ, подобно древнему Риму, оставался непоколебимымъ и тогда, когда видѣлъ, такъ сказать, Аннибала у своихъ воротъ. вмѣсто случайнаго Громановскаго, который хотя былъ и неоспоримый геній, но все же не обходился безъ латинскаго и особенно греческаго лексикона, онъ имѣлъ въ своей традиціонной гордости много такихъ геніевъ, какъ недавній еще Пучковскій, говорившій по латыни и могшій даже говорить по гречески, если бы кто нашелся способнымъ понимать или поддерживать съ нима разговоръ. Наконецъ, извѣстна дерзость бурсацкаго любопытства ставить на одну чашку вѣсовъ генія, а на другую противопоставлять нѣсколько примусовъ—„докъ“: чья перевѣситъ? Здѣсь, конечно, дѣло идетъ объ ихъ интеллигенціи. И вотъ, либералы были того мнѣнія, что „доки“ Сіона съ своими старинными „русскими“ написанными чуть неполуустановнымъ письмомъ, на синей бумагѣ съ водяными знаками, и съ полнымъ запасомъ словъ латинскихъ (на весь Корнелій непотъ и христоматію) и греческихъ на весь Тестаментъ должны будутъ перевѣситъ самого Громановскаго, бѣднаго Александра Кирилловича! При всемъ моемъ благоговѣніи къ послѣднему, почему-то думалъ такъ и я. Ужъ много было у нихъ всякихъ русаковъ и словъ, къ которымъ я чувствовалъ всегда великое влеченіе! Такими вопросами любили задаваться не только примусы низшихъ классовъ, но и самые „клоды“ (хвосты класса, третьеразрядники). И кто стоялъ на сторонѣ многихъ докъ противъ одного генія, тѣ выжидали и прислушивались, не явится ли кто нибудь изъ докъ соперникомъ генія въ классныхъ отвѣтахъ въ письменныхъ упражненіяхъ и на экзаменахъ, чтобы сбить его съ пьедестала величія. Малѣйшая удача того или другого доки поднимали бурю споровъ. Напримѣръ, на задачѣ генія учитель напишетъ *optime*, а докъ подпишетъ: *excellenter* или *praestantissime*. При такомъ случаѣ нескончаемый споръ: что лучше? Лазятъ во всѣ лексиконы и стараются уловить всѣ оттѣнки однозначныхъ похвалъ. Тутъ уже нерѣдко достается и лексиконамъ за то, что не

всѣ они ровно словоохотливы въ подборѣ синонимъ, такъ какъ каждому изъ спорящихъ хотѣлось бы утвердиться на большинствѣ именно ленсиическихъ синонимъ. Что до меня, то я почему то стоялъ за *praestantissime*, хотя разъ только и получилъ такую похвалу на своемъ упражненіи; чаще же получалъ то скромное—*bene*, то пріятное *valde bene*, то вождельнное *optime*, то всегда спорные между учениками *egregie* и *pulcherrime*. А спорили такъ: кто залучить себѣ *egregie*, тотъ хвалится предъ получившимъ въ тотъ разъ даже *optime*, а въ другой разъ его *optime* уже несравненно выше другаго *egregie*. У докъ были обстоятельныя значенія всевозможныхъ похвалъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ, выписанные изъ большихъ лексиконовъ; къ докамъ въ подобныхъ случаяхъ и обращались за разъясненіемъ споровъ.

Доки, какъ квартирныя, такъ и казенныя, занимавшіе мѣсто въ спискѣ не ниже троич. пятка, хотя и назывались примусами, но съ отѣнкомъ не то скепсиса, не то юмора. Скепсисъ объясняется неполнымъ убѣжденіемъ въ способностяхъ доки,—не „зубомъ“ ли только онъ беретъ (т. е. прилежаніемъ), такъ какъ дознанные „зубари“ или „толкачи“ исключались даже изъ докъ, какъ высоко ни стояли бы въ спискѣ; а юморъ вызывали доки по недосыгаемости ихъ, каждымъ по одиночкѣ, къ настоящему примусу, который если и не считался даже геніемъ, потому что былъ иногда прплеженъ, съ русаками и большимъ запасомъ словъ (что все не совмѣщалось съ понятіемъ бурсацкаго генія!), то все же признавался докою изъ докъ. Вотъ въ послѣднемъ особенно случаѣ доки платились отъ сторонниковъ примуса не только скепсомъ и юморомъ, но и товарищескою, почти пріятельскою смазью, такъ какъ на сторонѣ примуса обыкновенно была большая часть класса. Въ 3-мъ классѣ мнѣ, какъ прямому докѣ (я былъ тогда старымъ ученикомъ) далъ товарищескую смазь цензоръ (секуторъ) Никита Пиневичъ съ такимъ дополненіемъ, а ты, примусъ, дока, не хочешь меня знать (т. е. галды, даянія не носишь): попадешься въ мои лапки!“ и при этомъ показалъ красный свой кулакъ, который тогда только и разсмотрѣлъ я, какой онъ былъ ужасно толстый и мясистый. Или тогда со страха

„глаза у меня были велики“; но такого кулака почти никогда уже не встрѣчалось мнѣ видѣть. И замѣчательно,—кого изъ докъ угостятъ смазью,—непремѣнно тотъ дока слѣтитъ съ мѣста своего! Обладала ли такимъ волшебнымъ свойствомъ товарищеская смазь, или въ данномъ случаѣ необходимо предположить своего рода пророчесвенный духъ у смащика: объ этомъ каждый, разумѣется, можетъ думать и рѣшать по своему. Если же кому угодно было бы знать мое личное мнѣніе, то оно таково: здѣсь и магичность смази и пророчесвенность смащика. Высказавшись же такъ консервативно, я необходимо долженъ и обосноваться. У меня два краткихъ основанія: во-первыхъ и я изъ тѣхъ, которые мнятъ о себѣ, что они духъ бурсы имѣютъ или постигаютъ, а во-вторыхъ и я самъ, непосредственно послѣ товарищеской смази Никитки, очутился въ списокѣ изъ втораго мѣста на седьмомъ, а чрезъ годъ даже на осьмомъ, т. е. такъ упалъ низко, какъ не падалъ никогда послѣ ни въ училищѣ, ни въ Семинаріи. Вотъ и судите о товарищеской смази въ ея роковомъ значеніи! Помню, она сразу устыдила меня такъ, что я осмотрѣлся первымъ дѣломъ, примѣчена ли она на мнѣ другими, а потомъ инстинктивно сталъ искать себѣ новаго въ мысляхъ мѣста на партѣ и намѣтилъ его сидѣніемъ Виктора Мозалевскаго, если же сразу и ошибся на одинъ номеръ, то, какъ я уже упомянулъ, чрезъ годъ занялъ какъ разъ то самое мѣсто и въ списокѣ и на партѣ. Смазанный чувствовалъ, что въ подобной смази, если она исходила не отъ ярыжки, выражалось уже общее мнѣніе класса, а классъ, какъ и голосъ народа, не погрѣшимъ. Одною изъ любимѣйшихъ темъ класса былъ вопросъ о томъ, „кто изъ докъ колеблется и долженъ „слетѣть“, какой дока перевѣшиваетъ другихъ и въ отвѣтахъ и въ упражненіяхъ“, а потому и пророчество смащика было ни что иное, какъ голосъ класса, рѣдко ошибающійся. Здѣсь, къ случаю, добавлю, что были и еще двѣ смази особаго оттѣнка—поощрительная и утѣшительная. Первая давалась тому докъ, который выдвигается какимъ нибудь единичнымъ отвѣтомъ предъ учителемъ, такъ что заставитъ на время покраснѣть самого примуса. Примѣръ. Если у какого либо ученика окажется въ

карманъ птичка, и учитель, отправляя птицелова къ лозамъ; вздумаетъ спросить, кто знаетъ, какъ по латыни птицеловъ; тогда взоры всѣхъ незнающихъ естественно устремляются на примуса, но примусъ молчить... Вдругъ подскакиваетъ съ мѣста какой либо дока и кричитъ: „авсерс“! Учитель, желая и наказать и вмѣстѣ поощрить примуса, спрашиваетъ у него; „а какъ будетъ имѣть родительный падежъ слово авсерс? Если и на этотъ труднѣйшій изъ вопросовъ отвѣтитъ не примусъ, а тотъ же дока, то послѣднему, по выходѣ учителя изъ класса, дается двойная уже товарищеская поощрительная смазь, т. е., и за слово авсерс и за знаніе родительнаго его падежа—авсерис. Смазь эта—своего рода овація для доки, для примуса тоже, что римлянину „пройти подъ ермомъ“. Къ своей смази любезный смащикъ (конечно, не изъ сторонниковъ примуса) добавлялъ иногда „быть тебѣ примусомъ“! Тогда смазанный краснѣлъ отъ радости, какъ будто онъ и на самомъ дѣлѣ былъ уже примусомъ, а примусъ „супился“ (хмурился) блѣднѣлъ и, опасаясь, какъ бы смазанная овація не возымѣла уже пророчесвеннаго значенія, давалъ себѣ слово съ этого дня начать зазубриваніе лексикона, если только не принимался еще за это примусовское дѣло. Заучить весь лексиконъ (особенно латинскіе), большого или меньшаго размѣра, было манією многихъ примусовъ и даже докъ; я также принимался за это, но, конечно, не довелъ своего дѣла до конца, хотя избралъ сравнительно и небольшой лексикопъ. Но я долженъ объясниться, чтобъ кто нибудь не подумалъ, будто и я добивался чести примуса: лексиконъ пытались учить даже кавды; одинъ такой, съ послѣдней парты, будучи сѣченъ изъ дня въ день, вдругъ объявилъ, что онъ выучилъ уже половину своего лексикона; его принялись экзаменовать цѣлымъ классомъ, и результатомъ этого испытанія была овація, доставившая ему несчетное число смазей. Слава вскружили ему голову, и онъ, доказавъ свои способности, скоро сошелъ съ послѣдней парты въ домъ родительскій. Утѣшительная или успокоительная смазь давалась тѣмъ ученикамъ, которые, бывъ больно высѣчены, что называлось „подплыть кровью“ (когда учитель самъ досматриваетъ за

секуторомъ и не позволяетъ ему „минать“), долго не унимались отъ слезъ. Кромѣ ощущенія боли, не позволявшей имъ ровно сидѣть за скамьею, ихъ брала еще злоба и на учителя и на секутора (особенно, если со стороны послѣдняго была уже ему похвална, т. е. предостереженіе, за недоносъ галды), и на тѣхъ, кого сѣкли по воздуху, и неизвѣстно еще на кого. Тутъ послѣ урока, подходятъ къ нему подъярыжки,—одна, двѣ утѣшительныя смази—и плакавшій утѣшенъ! Это значило, что ему сочувствуютъ; такъ какъ другого выраженія сочувствія бурса не допускала. А послушаться такого утѣшенія нельзя: подлѣ плакальщика пройдетъ тогда длинная вереница ярыжекъ и подъярыжекъ каждый съ своею мазью, напоминающею, что въ классѣ позволяется плакать только однажды, когда сѣкутъ, а въ остальное время классъ—не баба съ заплаканными глазами! Ужасно не любила бурса всякихъ слезъ! Слезы—признакъ малодушія и слабости, бабье дѣло, а не бурсацкое, молодецкое, философское!

Въ корпусѣ точнѣе обозначались и взаимныя отношенія, такъ сказать, ранги между учениками высшихъ и низшихъ классовъ. О значеніи номерныхъ старшихъ я уже отчасти упоминалъ. Они были въ собственномъ смыслѣ началствомъ номера; имъ покорялись всѣ безъ изъятія, но такъ, что если номерной старшій приказываетъ третьекласснику подать себѣ воды помимо второклассника, то это принималось уже за знакъ негодованія старшаго. Низшія услуги должны и исполняться низшими. Услуга же третьеклассниковъ должна быть высшаго сорта, напр. доставить отъ старшаго квартирному его другу записку, слова, русакъ, и т. п., особенно позднимъ вечеромъ, когда иногда приходилось перелезать чрезъ монастырскую ограду; принести изъ шинка водки; купить что либо въ городѣ—табаку, арбузъ, яблокъ и т. п. Такія услуги должны безпрекословно исполняться низшими и по отношенію къ четвертоклассникамъ вообще, если они жили съ старшимъ въ номерѣ. Властительство надъ низшими не имѣли права высшіе изъ другихъ камеръ, но въ случаѣ приказанія—отказаться было опасно: благородный четвертоклассникъ, не принадлежащій къ ярыжкамъ, не расправится съ ослушникомъ по своему, но

сообщить объ ослушаніи номерному старшему, и тогда бѣда! Старшій, мало того, что возьметъ его „на цугундеръ“ (на расправу), но заподозрить въ ослушникѣ какую-либо близость къ инспектору, протекцію или „потайной духъ“... У старшихъ было въ обычаѣ потѣшаться посредствомъ младшихъ. Иногда они поощряли ссорившихся къ дракѣ; но лишь только у дравшихся показывалась кровь на носу или на губахъ, старшій приказывалъ имъ прекратить драку. Старшіе любили смотрѣть на кулачные бои младшихъ; въ этихъ междоусобныхъ бояхъ закалялось бурсацкое мужество, опредѣлялась сила, пріобрѣталась ловкость,—вообще снискивались тѣ качества, безъ которыхъ нельзя было выдти въ силачи. Ловкость и изворотливость въ борьбѣ цѣнились высоко, какъ и на греческихъ Олимпійскихъ играхъ. Нѣкоторые такъ ловко владѣли искусствомъ брать „подъ ножку“, что противникъ и не осмотрится, какъ уже упадетъ. Если противникъ видимо сильнѣе и выше ростомъ нападавшаго, то при такой сценѣ раздавался громкій смѣхъ. Этотъ смѣхъ озлоблялъ поверженнаго; поднявшись, онъ шелъ на соперника съ кулаками и часто, полагаясь на одну свою силу, снова былъ сваливаемъ подъ ножку: гомерическій смѣхъ былъ великою наградой слабѣвшему и тяжкимъ срамомъ для сильнѣйшаго. Впрочемъ, сила все—таки цѣнилась выше искусства, такъ какъ разсуждали, что сила когда—либо можетъ овладѣть искусствомъ, а искусство не можетъ прибавить физической силы, которою такъ восхищалась бурса. Выѣшиваться старшимъ въ кулачки младшихъ считалось позоромъ для всего высшаго класса; только отъявленные, презрѣнные ярыжки могли рѣшиться на бой съ низшими. „Поколотить“ въ такихъ случаяхъ четвертоклассника было даже честью для третьекласника. Разъ четвертоклассники натравили малую бурсу на такую продѣлку.

Во всемъ казенномъ зданіи было два служителя: поваръ и водовозъ. Водовозъ былъ изъ отставныхъ солдатъ, глубокій старикъ; говорили, что онъ съ Потемкинымъ бралъ когда-то Очаковъ и имѣлъ георгія; лошадка, на которой онъ возилъ воду, была маленькая, тощая и старая. Послѣ обѣда водовозъ уснулъ, а лошадка его паслась подлѣ сво-

ей конурки, состоявшей изъ деревяннаго навѣса, на которомъ, по ветхости его, много росло травы. Кто-то изъ старшихъ подсказалъ меньшей бурсѣ, что хорошо было бы вставить лошаденку на пуньку, чтобъ она пощипала тамъ траву. Сейчасъ же нашлись охотники, постлали доски на пуньку и свели лошадь на крышу. Эта потѣха вызвала и остальныхъ изъ корпуса. Вдругъ раздалось страшное слово: „смотрительша“! Бурса была ошеломлена; успѣли только снять доски, а лошадь осталась на крышѣ. Смотрительша, производившая ревизію вмѣсто смотрителя, знала проказы бурсаковъ и часто сама взыскивала съ нихъ, но такой проказы еще не видала; вмѣсто многочисленной бурсы, успѣвшей попрятаться, предъ смотрительницею стоялъ теперь растеревшійся водовозъ. Что дѣлать? Смотрительша объявила, что простить, если бурсаки сведутъ лошадь на землю. Вызвались охотники и исполнили свою задачу. Но теперь смотрительша перемѣнила тонъ и, заарестовавъ сводившихъ лошадь, угрожала исключеніемъ всѣмъ, если они не откроютъ тѣхъ, кто свелъ лошадь на пуньку. Такое обстоятельство, какъ выходившее изъ нормы, не было предусмотрено кодексомъ бурсацкихъ правилъ, и главные шалуны, помимо старшихъ, были выданы головою. Смотрительша принялась разыскивать ихъ по номерамъ, нашла спрятавшихся на печкѣ и велѣла тутъ же высѣчь, сдержавъ свое слово на одномъ, что никого не исключила.

Бурса во всей своей широтѣ раскрывалась предо мною постепенно. Скоро я узналъ, что были генеральныя кулачки между бурсаками и костогрызами; они происходили въ опредѣленные дни ежегодно, недалеко отъ дома инспектора, такъ что, сказываютъ, на нихъ выходили смотрѣть какъ нѣкоторые учителя бурсацкіе съ инспекторомъ во главѣ, такъ и гимназическіе учителя. Въ бояхъ участвовала вся бурса—казенная и квартирная, кто хотѣлъ. Бойцы располагались на двухъ противоположныхъ холмахъ, передѣляемыхъ рвомъ. Сперва бросались камнями, а когда разгорались страсти, то спускались съ холма и вступали въ рукопашный бой. Одолѣвала то та, то другая сторона. Сторону бурсы поддерживали послушники, а гимназистовъ—сапожники.
